

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР**

2017 – 8 (302)

Научно-информационный бюллетень

Издается с 1992 года

**Москва
2017**

***Центр научно-информационных исследований
глобальных и региональных проблем***

Редакционная коллегия:

В.С. Мирзаханов – д-р ист. наук, профессор, шеф-редактор.

Е.Л. Дмитриева – главный редактор, *В.К. Белозёров* – д-р полит. наук, *О.П. Бибикина* – канд. ист. наук, первый зам. главного редактора, *А.В. Гордон* – д-р ист. наук, *Ш.Р. Кашаф*, *Д.Б. Малышева* – д-р полит. наук, *А.В. Малащенко* – д-р ист. наук, *А.Ш. Ниязи* – канд. ист. наук, зам. главного редактора, *В.Н. Сченснович* – отв. секретарь.

Ответственные за выпуск бюллетеня на английском языке:
Е.С. Хазанов – отв. редактор, *Н.В. Гинесина* – вед. редактор.

Россия и мусульманский мир: Научно-информационный бюллетень / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. глобальных и региональных проблем. – М., 2017. – № 8 (302). – 102 с.

Тексты, представленные в бюллетене, даны в авторской редакции.

*Издано при поддержке Российского фонда содействия
образованию и науке*

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

- С. Сиражудинова.* Управление конфликтом:
Протестная политика и гражданское общество
в современном мире..... 5

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

- С. Устинкин, Н. Морозова.* Межнациональные отношения
в Нижегородской области 16
- Г. Гилязов, Р. Нуруллина.* Профессиональная переподготовка
и повышение квалификации имамов в Татарстане:
Социальная практика, мнения, оценки и точки зрения 25
- А. Адиев, Е. Щербина.* Дагестан и Карачаево-Черкесия:
Проблемы регулирования этнического состава
в органах власти в полиэтничных регионах 34

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ

- А. Цуркан.* Режим прекращения боевых действий в Сирии:
Успехи и перспективы российско-американского
сотрудничества..... 41
- Е. Васецова.* Ливия: Пять лет без Каддафи 59

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

<i>Т. Игнатова, А. Добаев.</i> Исламская экономика и эволюция системы «хавала»	70
<i>А. Аллокулов.</i> Мулла Али Аль-Кари и источниковедческий анализ его произведения «Фараид Аль-Калаид Аля Ахадиси Шарх Аль-Акаид»	95

КОНФЛИКТУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ – **НЕТ!**
ДИАЛОГУ И КУЛЬТУРНОМУ ОБМЕНУ
МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ – **ДА!**

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

С. Сиражудинова,

кандидат политических наук, докторант
(Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации)

УПРАВЛЕНИЕ КОНФЛИКТОМ: ПРОТЕСТНАЯ ПОЛИТИКА И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Аннотация. В статье исследуется роль гражданского общества в протестной политике в трансформации политических процессов на постсоветском пространстве. На теоретическом и практическом уровне анализируются концепции протестной политики, политики снизу, спорной политики, цветных революций, получивших широкое практическое распространение, но мало изученных в нашей стране.

Ключевые слова: гражданское общество, протест, протестная политика, «цветная» революция, политика снизу.

Введение

Для постсоветского пространства актуально активность гражданского общества рассматривать через призму протестной политики. Протесты сыграли и продолжают играть важную роль в политических процессах стран постсоветского пространства. В последние годы отдельные структуры гражданского общества все чаще стали использоваться как активизаторы протестов.

Протестная функция гражданского общества здесь приобрела политизированные черты, вторглась в область политического, имеет целью воздействие на политические решения, привести

к свержению легитимных органов власти, посягая на основы конституционного строя. Протестная активность привела к вторжению гражданского общества в иную сферу – сферу политическую, сделала ее инструментом по свержению политических режимов. Более ярко протестная политика проявила себя в посткоммунистических и постсоветских странах. Недаром К. Маркс политическую революцию охарактеризовал как «естественный базис и основу существования гражданского общества» [15]. Сейчас волну протестных акций на территории постсоветского пространства, перерастающих в революционные процессы, начинающиеся в виде оппозиционной активности, отличает схожесть сценариев и протестных групп. И это вновь заставляет переосмысливать концепт и роль гражданского общества.

Победы и вторжения протестной политики

Протестная политика – одна из угроз для стабильности постсоветского пространства. Цепочка всплесков протестов и революций, охватившая постсоветские (первоначально посткоммунистические) страны стала звеном среди глобальных «революций с признаком», с их демократическими (антисоветскими, антиросийскими) лозунгами. «Бархатная» (нежная) революция в Чехословакии 1989 г. прошла в форме борьбы словом, начав разрушительный процесс трансформаций режимов от коммунистических, социалистических и «слабо либеральных» к демократическим и либеральным. Протесты привели к победе в Польше «Солидарности». В 1990 г. распался СССР, образовалось постсоветское пространство, но протестная политика не ослабила свою активность и стремится к дальнейшим победам. Появлению Российской Федерации предшествовали организованные протестные события. Начиная с 2003 г. переворот в Грузии открыл период «цветных» революций, периодически вспыхивающих на постсоветском пространстве (тюльпановая, оранжевая, розовая...), часто не заканчивающиеся одним кругом.

Мягкие революции часто приводили к нарушению целостности государств. Начиная с развала СССР тенденция к разделению продолжается. Удачи многих революций не были полными и вели к потере части территории (которая встречается во многих случаях победы проводников протестной политики). Грузинская революция привела к потере Абхазии и Южной Осетии, украинский

Евромайдан 2014 г. повлек потерю Крыма, обострение ситуации на Донбассе и появление Новороссии.

Технологии протестной политики проникли и в Российскую Федерацию («белоленточники» 2011–2012 гг., марши 2015 г., салафитские протесты) и т.д. В России подобную активность останавливает отсутствие поддержки народа. Акции протестов с цветными названиями стремились воздействовать на политический процесс в Армении, Белоруссии и Азербайджане. Причины протестов – от борьбы за демократию до заявлений о фальсификации выборов и отдельных недовольств политическим режимом или отдельными действиями власти.

В последние годы по всему миру произошел рост протестных движений, и научные теории стремятся угнаться за ними [3]. Поэтому важно попытаться определиться с тем, что представляет собой протестная политика и какова роль гражданского общества в ней.

Протестной политикой назовем группу концепций, обращающихся к теории, технологии и практике протестной социальной мобилизации, направленной на создание атмосферы конфликтности в государстве и обществе, смену режима или власти. Протестная политика включает в себя концепцию спорной политики, концепт гражданского общества как протестной «активности / политики снизу», «цветных» революций и концепции коллективного действия и социальных движений.

Протестной политике посвящены разработки целого ряда концепций: спорной политики, политики снизу, «цветных» революций, коллективных действий (А. Этциони) и поведения (Н. Смелзер), мобилизации ресурсов (Ч. Тилли), «ориентации на самоидентификацию» (А. Турен), социальных движений, депривации (Т. Гарр). Все увеличивающаяся с 1960-х годов численность организаций (экологических, гендерных, правозащитных) и их участие в протестной политике обращаются к множеству концепций, относящихся к протестной политике.

Концепции протестной политики, их практическая реализация связаны с активностью гражданского общества, выступающего активным субъектом, в то время как объектом является правительство (власть, режим), протестная активность принимает политический окрас. Следовательно, ее целесообразно назвать протестной политикой, которая, являясь состязательной и спорной, не теряет значения как политика. Здесь субъектом гражданского общества выступают его структуры – от отдельных групп

и локальных организаций до международных неправительственных организаций (МНПО), от местных медиаресурсов и СМИ до международных. Религиозные и этнические активисты и организации, а также их лозунги при этом активно используются [17]. Особенность протестной политики заключается в том, что акции обычно начинаются как активность гражданского общества, превращаясь в коллективные действия по защите и отстаиванию прав и интересов, перетекают в политическую борьбу, иногда сопровождающуюся насилием. Протестная активность, здесь только явно проявившись, раскрывает свою сущность и истинные цели.

Отождествление протестной активности с гражданским обществом все чаще встречается в дискурсе (официальных органов и медиапространстве) западных стран.

Важную роль в эскалации протестной активности играют составные гражданского общества – международные и локальные неправительственные организации, медиаресурсы (Интернет, СМИ, социальные сети и т.д.). Их активность стремительно увеличивается и особенно это заметно в странах постсоветского пространства. Информационные и сетевые технологии увеличили масштабы и последствия протестных акций. Продвижение демократии становится агрессивнее и стремительнее, порой революционнее. География распространения протестной активности становится шире. Это пример политизации гражданского общества и его превращения в инструмент геополитики.

Э. Крендшоу, К. Робинсон и Д. Дженкинс описали влияние на спорную политику глобализацию СМИ и гражданского общества, создание ими ресурсов для политических разногласий, мобилизации протестов, организации террористических актов в диапазоне от партизанской до гражданской войны, применив теорию «третьей стороны» в проявлениях разных сторон спорной политики [2].

Все более заметная роль гражданского общества в организации протестной политики, ее глобальный характер и трагические последствия вынудили власть обратить внимание на протестную функцию гражданского общества, задуматься о предупреждении и противодействии протестной активности.

Протестная активность в России неоднократно оказывала решающее воздействие на политический процесс (смене режима в итоге протестной политики 1917 г., протесты шахтеров, трансформация Советского Союза в Российскую Федерацию). Попытки организации протестной активности предпринимаются до сих пор, поэтому важно не переусердствовать в контроле над гражданским

обществом либо, наоборот, недооценить угрозы. Искусственность протестов негативно сказалась на отношении к отдельным структурам гражданского общества среди народа. В России в ответ на протестную активность формируются антипротестные группы – «Антимайдан», «Наши».

Концепция спорной политики

Протестные события в мире заставили вновь обратиться к такой концепции «протестной политики», как концепция «contentious politics» (состязательной / спорной политики), встречающаяся в трудах Сидни Тэрроу, Адама МакДуга и Чарльза Тилли [7]. Российские авторы в рамках сравнительной политологии изучают феномен и динамику протестов, цветные революции, спорную политику как экстраординарность. Зарубежные авторы заинтересованно изучают протестную политику в России, многочисленные работы, посвященные протестам в России, написаны Гремом Робертсоном. Интересны работы Петра Копецки, посвященные протестной политике посткоммунистического пространства. Структуры гражданского общества создали сайт <http://www.contentiouspoliticsrussia.com/>, оппозиционной политике В. Путина. На Украине популярны работы по протестной политике, как обоснование Евромайдана.

В. Гельман, в своих работах часто обращающийся к вопросу авторитаризма, анализирующий волну протестов, потрясших российскую столицу и десятки городов России в период с 2011 по 2013 г., охарактеризовал их как просыпающееся гражданское общество [10].

Спорная политика (состязательная) – направление в социологии и сравнительной политологии, изучающее протесты, гражданскую мобилизацию, социальные движения и коллективные действия от конфликтов (этнических, политических, религиозных) до оппозиционных акций, революций и гражданских войн. Появление концепции связано с коллективным действием, с наблюдающимся ростом организаций и движений, выражающих разнообразные интересы, оппонирующих и противостоящих государству.

Спорная политика – это «эпизодические взаимодействия, выразителей общественных коллективных претензий и их объектов (оппонентов), когда правительство выступает одной из сторон спора, и требования затрагивают интересы сторон» [7]. Обычно

здесь претензии направлены на достижение политических изменений. Активность гражданского общества приобретает здесь политический окрас. Поэтому здесь используется термин «протестная политика» – как состязательность и спор противостоящих сторон, стремящихся к победе, где одной из сторон является власть.

Спорная «политика» близка к понятию «коллективной политической борьбы» [7]. Организаторам протестов важно заручиться поддержкой третьих лиц и им требуется доступ к СМИ [7]. Они стремятся подорвать, таким образом, легитимность государства, подтолкнуть его к чрезмерным действиям. Ненасильственный протест консолидирует союзников («глобальное» гражданское общество, СМИ), в то время как насильственный может быть разгромлен и подавлен [7].

Определение спорной политики включает: дискурсивный спор (заявления, программы), коллективные акции (медиакомпании, протесты, забастовки, марши от мирных до насильственных) [6], взаимодействие с властью [13]. Протестный репертуар – это набор средств, использующихся предьявителями требований оппозирующей стороне [13, 18], т.е. власти, борьба против которой осуществляется путем организации маршей, демонстраций и протестов.

Крендшоу Э.М, Робинсон К.К., Дженкинс Дж.К. среди форм спорной политики выделяют: политический протест (антигосударственный), терроризм, партизанскую войну, полномасштабную гражданскую войну (революцию) [2]. Международные медиа и неправительственные сети, согласно авторам, способствуют распространности протестов, партизанских вылазок и терроризма. Они отмечают «сильное слияние» глобального гражданского общества и международных СМИ в организации политического раздора. Партизанские войны широко используют «постмодернистские» коммуникации (сотовые телефоны, Интернет, YouTube, камеры, СМИ) и вооружения для атак в условиях города [2]. Особенность спорной политики в том, что все ее формы преследуют завуалированные политические цели, декларируя необходимость в социальных и культурных переменах, за исключением гражданской войны [2].

Концепция «Политика снизу»

В исследованиях активности гражданского общества в последнее время все чаще прослеживается обращение к термину «политика снизу» («Politics from below»), приводящая к изменению политических режимов в результате протестной активности «снизу». Обычно она связана с продвижением демократии, поэтому перед словосочетанием «политика снизу» всплывает ее конкретизация – «цветная» [9].

Теоретические конструкты все больше вторгаются в область политического. Под лозунгом «демократизации» проводится «политика снизу». Смена власти и режима и смены, анализ их последствий все чаще связаны с данной концепцией, занимая важную нишу в сравнительной политологии.

Теория связана с практикой – она направляет и изучает. Одно из наиболее часто звучащих и уже значительно трансформировавших мир требований демократизация обществ [12]. Уличные протесты заявляют требования подотчетности, углубления и представительности демократии (Россия, Украина, Венгрия, Румыния). В то же время смена политического режима не обязательно происходит в сторону демократизации [1]. Под лозунгом демократии могут действовать популистские, консервативные, националистические, ультраправые и расистские движения. Под демократическими лозунгами на Украине пришли к власти националистические группы.

Все более заметную и важную роль стали играть религиозные движения. В посткоммунистических странах после падения режима произошел рост религиозной активности, которая в некоторых случаях повлияла на политический процесс, породив религиозно-политический и социальный активизм (например, в Польше). Сейчас в России (и не только) широко используются салафитские протестные движения (распространяющегося в последние годы «нетрадиционного» ислама), используемые для реализации протестных технологий и создание группы риска в целях «партизанской» борьбы и создания атмосферы социальной несправедливости, с широким привлечением международных структур гражданского общества, их доноров и СМИ.

В то же время многие инициативы и само гражданское общество призваны выполнять важные социальные функции. Существует и такая составляющая гражданского общества, как инициатива снизу и самоорганизация – «добровольчество», «волон-

терские движения», гражданская активность молодежи. В России, особенно среди молодежи, подобные добровольческие инициативы становятся все более популярными, но представителям старшего поколения они почти не известны [16]. Также и движение биорегионализм как и локальные самоорганизованные сообщества относятся к низовым инициативам гражданского общества, которые нацелены на сохранение культурного разнообразия, политических, структурных и экономических трансформаций снизу.

«Цветные» революции

«Цветные» революции (появившиеся как «бархатные») стали наиболее радикальным практическим проявлением протестной политики, породившей настороженность к действиям гражданского общества. Они охватили многие страны, особенно их активность проявилась на посткоммунистическом и постсоветском пространстве. Л. Митчелл, охарактеризовал XXI в. как век негосударственных сражений [8], когда основным актором (инициатором конфликта) выступает гражданское общество.

Под «цветной» революцией принято понимать практику распространившейся в современном мире смены или попытки смены власти (режима) посредством активности структур гражданского общества (активистов, движений и организаций). Общий сценарий, методы и активная роль НПО в процессе свершения подобных революций наводит на мысль об их технологической проработанности. Они связаны с продвижением демократии и прав человека, с организацией протестов против результатов выборов [5]. Америка проводит политику продвижения демократии в зарубежных странах путем развития НПО [8]. Так, в Грузии лидеры гражданского общества, участвовавшие в «революции роз», получали спонсорскую помощь от США, (через NED, USAID, Сороса, программы по развитию демократии, модернизации в области экономики и здоровья). Там сформировались экспертные сообщества и Сети [8], в результате чего победа была достигнута неревлюционным путем. По такой же схеме «цветные» революции произошли на Украине, в Сербии и других государствах.

Дж. Шарп издал пособие по ненасильственной борьбе и свержению режима [19], описав план и методы, подчеркнул роль институтов гражданского общества как субъектов неповиновения [19]. В подобной борьбе насилие заменяется использованием общественными институтами и отдельными гражданами экономиче-

ского, психологического, политического и социального оружия (забастовки, протесты, бойкот, выражение недовольства, народное самоуправление, отказ от сотрудничества) [19]. Ф. Фукуяма также отметил роль поддерживаемых извне неправительственных организаций в продвижении демократии и смене режима ненасильственными методами и по схожему сценарию [18].

Международные неправительственные организации часто содействовали протестной ненасильственной мобилизации локальных неправительственных акторов против правительства, помогая обучением, организацией и ресурсами [11]. Важную роль сыграли организации из соседних стран, обучавшие своему опыту.

Глобальных медиа освещают «злоупотребления» требующих свержения режимов, сеть активистов обучает ненасильственному сопротивлению [4]. Краудсорсинг, представляющий направляемую коммуникационными и информационными технологиями гражданскую активность, привлечение граждан к управлению, сделал сетевое сообщество пятой властью [14] (Уильям Даттон «fifth estate»).

Возможности глобальных структур растут. Продвижение глобальных медиа, интернет-сетей, неправительственных организаций и технологий создают мощный инструмент управления протестной активностью, делает гражданское общество инструментом разрушения политических режимов и государств. В ответ на активизацию 9 июня 2012 г. в России протестной политики (неудавшейся «цветной» революции), учитывая опыт соседних государств, был принят закон, противодействующий технологиям протестной политики, регулирующий протестную активность и организацию митингов, предусматривающий значительные штрафные санкции. Поиски мер сохранения стабильности государства в ответ на агрессивную политику протестного движения продолжаются.

Заключение

Технологии протестной политики и использования гражданской активности сыграли свою роль в ликвидации коммунистических режимов и появлению постсоветского пространства. Поражение в холодной войне, агрессивность протестной политики вскрыли роль гражданского общества в сражении за унификацию политических режимов в мире.

С 1960-х годов начался процесс роста новых социальных движений, численность структур гражданского общества постоянно увеличивается. Появилось множество структур профессионального гражданского общества, выполняющих мобилизационные протестные функции и являющихся субъектами коллективных действий, целенаправленно ориентированных на политические трансформации.

В России сложно протестную активность развить вширь, в ней участвуют незначительные группы активистов, массовой поддержки народа протестная активность не вызывает. Последствия побед протестной политики делают ее в глазах народа непопулярной и неприемлемой.

Автор статьи рассмотрел лишь некоторые наиболее важные и менее изученные в России концепции протестной политики. Их объединяет активная роль гражданского общества, направленная на политические трансформации. Подобный пример демонстрирует изменение функций гражданского общества, их вторжение в область политического, т.е. как это записано в законе об НКО, политическую деятельность структур гражданского общества.

Литература

1. Avelino G., Brown D.S., Hunter W. The Effects of Capital Mobility, Trade Openness, and Democracy on Social Spending in Latin America, 1980–1999. *American Journal of Political Science*. – 2005. – Vol. 49. – N 3. – P. 631.
2. Crenshaw E.M., Robison K.K., Jenkins J.C. All the World's a Stage: How Globalization of Media and Civil Society are Affecting Contentious Politics. Working Paper no 03/2011.
3. Duyvendak Jan Willem. Jasper James Breaking down the State. Protestors engaged. 2015. 256 p.
4. Goldstone Jack A. *Revolutions: A Very Short Introduction*. – Oxford University Press Print, 2014. – P. 104.
5. Hafner-Burton Emile, Kiyu Tsutsui. «Human Rights Practices in a Globalizing World: The Paradox of Empty Promises». *American Journal of Sociology* 110 (5): 1373–1411.
6. Johnston Hank, Seferiades Seraphim. *Violent Protest, Contentious Politics, and the Neoliberal State*. Ashgate Publishing, Ltd. 2013. 248 p.
7. MacAdam D., Tilly C., Tarrow S. *Dynamics of Contention Cambridge Studies in Contentious Politics*, Cambridge University Press, 2001. – P. 4, 5.
8. Mitchell Lincoln A. *Uncertain Democracy: U.S. Foreign Policy and Georgia's Rose Revolution*. – University of Pennsylvania Press, 2013. – 192 p.
9. *Politics From Above, Politics From Below. The Middle East in the Age of Economic Reform*. Edited by Eberhard Kienle, 2003.

10. Rossa C. State against Civil Society: Contentious Politics and the Non-Systemic Opposition in Russia. – Europe-Asia Studies, 2015. – Vol. 67. – Issue 2. – P. 171–176.
11. Sam R. Bell., Tavishi B., Clay K.C., Murdie A. Taking the Fight to Them: Neighborhood Human Rights Organizations and Domestic Protest. – British Journal of Political Science, 2014. – Vol. 44. – Issue 4. – P. 853–875.
12. Smith J. Social Movements for Global Democracy. – Baltimore, Md.: Johns Hopkins University Press. 2008.
13. Tilly C. Regimes and Repertoires. – The Univ. of Chicago Press, 2006. – 226 p.
14. Асмолов Г. Интернет, сетевое общество и взаимопомощь как стандарт образования // Образовательная политика. – 2011. – № 1 (51). – С. 55.
15. Маркс К. К еврейскому вопросу // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. – С. 405.
16. Сиражудинова С.В. Модель гражданского общества на постсоветском пространстве: Взгляд из регионов // Социально-гуманитарные знания. – 2015. – № 11. – С. 234–239.
17. Сиражудинова С.В. Религия и гражданское общество на постсоветском пространстве: Политический аспект // Информационные войны. – 2016. – № 2. – С. 91–96.
18. Фукуяма Ф. Америка на распутье. – М., 2008. – 282 с.
19. Шарп Дж. От диктатуры к демократии. Концептуальные основы освобождения [Электронный ресурс]. URL: http://www.aeinstein.org/wp-content/uploads/2013/10/FDTD_Russian.pdf (Дата обращения: 28.06.2016.) Материал поступил в редакцию 30.09.2016 г.

*«Информационные войны»,
г. Королёв (МО), 2016 г., № 4 (40), с. 37–42.*

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

С. Устинкин,

доктор исторических наук, профессор,
директор Приволжского филиала
Института социологии РАН, декан факультета
международных отношений, экономики
и управления НГЛУ им. Н.А. Добролюбова

Н. Морозова,

кандидат политических наук,
заместитель директора Приволжского филиала
Института социологии РАН

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ*

Ключевые слова: межэтнические отношения в Нижегородской области, миграционная политика, национальная политика, медиа-дискурс, диаспоры, межэтнический конфликт.

Нижегородская область обладает уникальными этнодемографическими характеристиками: с одной стороны, регион является многонациональным субъектом Федерации (на его территории проживает более 150 национальностей), а с другой – численность русского населения составляет приблизительно 92%, что позволяет отнести его и к категории моноэтничных образований¹. Ситуация в сфере межнациональных отношений в области всегда оценивалась как спокойная, стабильная, характеризовалась высоким

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 15-18-00093 «Прогнозное моделирование межэтнических отношений в российских регионах (на основе анализа идентификационных стратегий диаспорных /земляческих групп)».

¹ Морозова Н.М. Реализация национальной политики в ПФО: Проблемы и эффективность. – Н. Новгород, 2013. – С. 17.

уровнем толерантности в социуме¹. В настоящее время под влиянием ряда внешних и внутренних факторов у коренных жителей сформировалась настороженность по отношению к представителям кавказских народов и приезжим из Средней Азии. Определенный уровень напряженности в сфере межнациональных отношений был уже зафиксирован в рамках мониторингов социально-экономической и общественно-политической ситуации в Нижегородской области, проведенных Приволжским филиалом Института социологии РАН с I по IV квартала 2012 г. и в I квартале 2013 г.²

Тогда, с одной стороны, был выявлен невысокий уровень враждебности по отношению к мигрантам (в среднем 3–5%), а с другой – высокая настороженность коренных жителей в связи с ростом числа мигрантов на территории.

В целом по Нижегородской области в разной степени отрицательно относились к мигрантам и (или) переселенцам из стран ближнего зарубежья 35,3% участников опроса. Среди жителей области таких было около 32%, а в Нижнем Новгороде – 40,7%.

Положительно воспринимали мигрантов около 13% респондентов³.

Как же обстоят дела сегодня? На состояние межнациональных отношений в регионах России оказывает влияние рост конфликтного потенциала в мировом сообществе. Массовый поток мигрантов из охваченных разрушительными войнами, террористическими актами, голодом стран Азии и Африки в страны благополучной Западной Европы отражается на современной российской реальности.

¹ Кедяркин С.Н., Макарова Л.С. «Нижегородская этнопанорама» и этнокультурная жизнь в Нижегородской области // URL: <http://www.mediascope.ru/?q=node/658>

² Выборка каждого исследования составляла 1500 респондентов в возрасте от 18 лет и старше, постоянно проживающих на территории Нижегородской области. Опросы проводились методом личного интервьюирования по месту жительства респондентов.

³ Мониторинг общественно-политической и социально-экономической ситуации в Нижегородской области. Приволжский филиал Института социологии РАН. – Н. Новгород, 2012; Мониторинг общественно-политической и социально-экономической ситуации в Нижегородской области. Приволжский филиал Института социологии РАН. – Н. Новгород, 2013.

В январе–июне 2015 г. миграционный обмен со странами СНГ обеспечивал прирост населения в 75 российских регионах¹, в период января–мая 2016 г. количество субъектов Федерации, в которых численность жителей увеличилась за счет мигрантов из стран Содружества Независимых Государств, возросло до 81².

Такое изменение в качественном составе населения сказывается на социально-экономической и политической обстановке в субъектах страны, обуславливает рост напряженности в обществе, создает ряд специфических проблем, среди которых:

- коррупционные составляющие в регистрации мигрантов;
- отсутствие четкой статистической информации о количестве приезжих;
- нехватка квалифицированных кадров в органах региональной и местной власти;
- вопросы социальной защищенности и адаптации мигрантов.

Для объективного исследования проблемы необходимо учитывать и негативные явления, возникающие в полиэтничном региональном социуме, среди которых: рост националистических идей в ряде регионов России, экстремизм, «политизация» исламского фактора и, как следствие, настороженное отношение православного населения к мусульманам [6, с. 74]³. Власти некоторых национальных республик продолжают реализовывать титульно-ориентированную кадровую политику⁴, осуществлять языковую сегрегацию⁵, которая является «вынужденной мерой и необходи-

¹ Демографические итоги I полугодия 2015 г. (Ч. II) // URL: <http://demoscope.ru/weekly/2015/0655/barom05.php>

² Социально-экономическое положение Федеральных округов в I квартале 2016 г. Ежеквартальные статистические бюллетени // URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140086420641

³ Вагапов Р.Н., Вагапова В.Г., Устинкин С.В. Потенциал организаций мусульманского духовенства в развитии и регулировании социально-политических процессов России. Монография. – Н. Новгород: НГЛУ, 2014.

⁴ Устинкин С.В., Полякова Ю.С. Властная элита в региональном политическом процессе. – Н. Новгород: НГЛУ, 2011.

⁵ Салагаев А.Л., Лучшева Л.В. Этнолингвистический конфликт в Республике Татарстан как следствие противоречивой языковой и образовательной политики // Новые проблемы социокультурной эволюции регионов. Сб. материалов VII Всероссийской науч.-практ. конф. – Казань: КНИТУ, 2011.

мым инструментом» при этнической консолидации и конструировании регионального социума¹.

Огромную роль в формировании общественных настроений, в том числе и по отношению к мигрантам и к приезжим из других национальных регионов России, оказывают средства массовой информации. В Нижегородском региональном медиадискурсе сформирован позитивный информационный фон межнациональных отношений. Это объясняется следующим:

– во-первых, программа по гармонизации межнациональных отношений, принятая в Нижегородской области, состоит из мероприятий, реализуемых в сфере культурного взаимодействия (праздники национальных культур, национальных кухонь, межнациональные субботники и т.п.);

– во-вторых, СМИ проявляют корректность, не акцентируя внимание на мелких конфликтах бытового характера между представителями разных этнических групп, которые могут быть даже в самом толерантном обществе. Зачастую публикации в СМИ не содержат положительной или отрицательной эмоциональной окраски или оценки события, дабы не нагнетать обстановку.

Деятельность региональных властей, а также работа национально-культурных автономий в области укрепления межнациональных отношений в регионе направлена на знакомство коренных жителей с традициями и культурой других народов, прибывающих в Нижегородскую область. Как следствие, информация о проведении праздников национальных культур и фестивалей активно транслируется в СМИ, популяризируя в обществе идею дружбы народов.

Нижегородская пресса, и в большей степени интернет-пространство в целом отражают проблемы регионального социума, связанные и с присутствием мигрантов, и с деятельностью представителей народов России. Анализ регионального медийного пространства позволяет определить ключевые события, влияющие на развитие межнациональных отношений, и обнаружить проблемные точки во взаимодействии представителей различных народов и этнических групп.

¹ Балашов Ю.А. Специфика этнополитических систем национальных субъектов Федерации, входящих в ПФО // URL: http://www.idmedina.ru/books/materials/faizhanov/3/world_balashov_2.htm

Приволжский филиал ИС РАН проводил исследование медийного пространства Нижегородской области, используя автоматизированную систему мониторинга СМИ «Медиалогия».

Анализировались публикации, появившиеся в СМИ в период с января 2010 г. по июнь 2015 г. В качестве маркеров принимались вариативные формы, связанные с категорией «диаспора» и «землячество». Интересны медиаданные, относящиеся к категории «диаспора», так как она является репрезентативной при характеристике межнациональных отношений в Нижегородской области.

Как показал анализ публикаций СМИ, категория «землячество» употребляется гораздо реже в региональном медиадискурсе и при этом не всегда содержит этническую или национальную окраску. Термин «землячество» часто используется при обозначении групп, имеющих общие географические (территориальные) привязки, а также групп, базирующихся на единой политической платформе (идеологии).

Были выделены ключевые темы, составившие «пиковые зоны», т.е. периоды, включающие максимальное количество публикаций, и «стабильные периоды» – это временные этапы средней или низкой активности СМИ.

«Стабильные периоды» составляют большую часть исследуемого временного промежутка – 78,5% от общего массива. Для анализа «стабильных зон» было выбрано четыре месяца каждого года с равными временными промежутками между ними. Появление «пиковых зон», как правило, связано с определенными событиями (представляющие собой как положительные, так и отрицательные явления) в обществе.

Необходимо оговориться, что СМИ зачастую бывают ангажированными, представляющими необъективную информацию, выступая инструментом конструирования общественного сознания. Тем не менее события, оказавшиеся в фокусе внимания СМИ, могут сигнализировать о проблемах, существующих в межнациональных отношениях, характеризовать уровень толерантности в обществе, вовлеченности власти и общественных организаций в регулирование межнациональных взаимодействий.

Информационные поводы, выявленные при анализе регионального медиадискурса, можно сгруппировать и проранжировать по их доле в «стабильных периодах» и «пиковых зонах».

1. Статьи, посвященные теме праздников (дни национальных культур, фестивали, официальные праздничные мероприятия с участием представителей диаспор), составляют почти половину

(45,8%) от всего объема публикаций, размещенных в печатных СМИ и Интернете в «стабильные периоды» и 31% в «пиковых зонах». Высокий процент обусловлен тем, что тема праздников является популярной как среди диаспор, так и у представителей власти.

2. На втором месте располагается группа, обозначенная как «официальные встречи и мероприятия» (14% – доля в медиаконтенте «стабильных периодов», 24% – в «пиковых зонах»), включающая встречи представителей органов территориальной и региональной власти, полиции, прокуратуры с представителями диаспор; круглые столы, семинары, конференции (по проблемам межнационального взаимодействия и сотрудничества, гармонизации межнациональных отношений в регионе, предотвращению конфликтов) и т.д.

3. Доля публикаций о конфликтах в «стабильные периоды» небольшая – 3,2%. Как правило, это конфликты, возникающие на бытовой почве. «Пиковые зоны», наоборот, включают в себя значительный объем материалов, посвященных конфликтам (15,5%) и росту напряжения в обществе (6%).

4. В контексте «стабильных периодов» проблема «мигранты» (миграционная политика, адаптация мигрантов, вопросы, связанные с их жизнедеятельностью) не является острой и составляет всего 0,5%. В «пиковые зоны» доля данной темы составляет около 4%.

При анализе был выявлен ряд значимых характеристик исследуемого регионального медийного пространства, которые отражают особенности межнациональных отношений в Нижегородской области.

Во-первых, в связи с ростом напряжения к декабрю 2013 г. происходит трансформация регионального медиадискурса: на смену слову «толерантность» приходят слова «пришельцы», «южане», «лица кавказской национальности», «восточная диаспора». Подобные обобщающие категории способны программировать людей на негативное восприятие, могут способствовать росту негативного отношения жителей к мигрантам и представителям иных национальностей в целом.

Тональность публикаций, содержащих в тексте слова «этнический», «национальный», «диаспора», нейтральная.

Доля негативных упоминаний в Нижнем Новгороде составляет примерно 1%, в Нижегородской области (без учета Нижнего Новгорода) – 3,3%.

Доля позитивных упоминаний несколько выше: 14% – в Нижнем Новгороде и 6,1% – по Нижегородской области (без Нижнего Новгорода).

Во-вторых, в большинстве своем контекст статей, составляющих массив вторичных данных, связан с событиями и конкретными информационными поводами. Только в одной публикации рассматривается теоретический вопрос, где сделана попытка определить категорию «диаспора».

В-третьих, значимой характеристикой является частота и причины упоминания в средствах массовой информации той или иной диаспоры. Необходимо учитывать, что в контексте статей часто говорится о «представителях диаспор» без конкретизации.

Лидером по упоминанию в медиаконтенте (совокупность печатных и интернет-публикаций) стала азербайджанская диаспора (30%), обладающая значительным весом в Нижегородском регионе, что связано в том числе и с публичностью ее лидеров (чаще дают интервью, комментируют события, происходящие в регионе).

В региональном медиадискурсе выявлена любопытная ситуация: участниками конфликта в Арзамасе, вызвавшего резонанс в обществе и провоцирующего активность СМИ, являлись представители армянской диаспоры. Несмотря на этот факт (и на то, что доля публикаций о событиях в Арзамасе составляет около 15,5% от сообщений в средствах массовой информации и Интернете, попавших в «пиковые зоны»), доля сообщений, содержащих какую-либо информацию об армянской диаспоре, составляет всего 2,1%. Это объясняется тем, что в текстах статей, посвященных событиям в Арзамасе, зачастую говорится в общем о «восточной диаспоре», или «лицах кавказской национальности» (этим обусловлен высокий процент группы «кавказцы» – 15%), или просто «представителях одной из диаспор», без конкретных ссылок на армянскую диаспору.

Высокая доля упоминаний об украинцах (23,7%) обусловлена последними событиями на Украине (присоединение Крыма к России, война и связанный с нею рост беженцев, в том числе в Нижегородскую область). Хотя контекст статей по тематике «Украина» в большей части посвящен обсуждению на официальных встречах и мероприятиях «события на Украине» и дискуссиям о помощи беженцам. Значительный процент сообщений составляют публикации с упоминанием таджикской и узбекской диаспор (16 и 17% соответственно). Это вызвано тем, что данные этнические группы являются лидирующими в статистике мигрантов,

прибывающих в Нижегородскую область¹. Как правило, в статьях, посвященных нелегальной миграции, упоминаются представители именно этих диаспор.

Каковы перспективы развития межнациональных отношений в Нижегородском регионе?

На основании результатов изучения специфики этнодемографической ситуации и анализа медиадискурса можно предположить, что в ближайшее время ситуация общественных взаимодействий останется спокойной. В Нижегородской области межнациональные отношения всегда отличались стабильностью, напряженность, возникшая в 2013 г., была связана с общероссийской тенденцией роста конфликтного потенциала. При отсутствии внешних (для региона) провоцирующих тенденций ситуация будет развиваться в спокойном русле коммуникации и взаимодействия.

Одним из оснований возникновения очагов этносоциальных напряжений может выступать противоречие между потребностями этносоциальной практики и консерватизмом существующей системы социальных институтов, прежде всего управленческих структур, а также несоответствие структуры конфликтологических практик, технологий, необходимых управленцам, и включенности подобных практик в функциональную структуру социального управления.

Разнообразие сценариев трансформации неравенств в этносоциальные напряжения позволяет предположить, что одним из наиболее перспективных способов достижения социального согласия в полиэтничном регионе является управление этносоциальным конфликтом на основе устранения неравенства в сферах общих интересов различных этнических групп.

Для сохранения стабильной обстановки в области межнациональных и этноконфессиональных отношений в регионе следует выработать комплексную программу мониторинга, развивать активное сотрудничество между органами власти, научным и экспертным сообществом, национально-культурными автономиями и некоммерческими организациями, осуществляющими свою деятельность в данной области общественных отношений.

В целях укрепления межнационального согласия в регионе экспертному сообществу необходимо содействовать органам исполнительной и законодательной власти, реализовывать идею

¹ Международная миграция за 2014 г. // URL: <http://nizhstat.gks.ru/56>

создания при Законодательном собрании Нижегородской области Совета гражданского согласия¹.

Литература

1. Балашов Ю.А. Специфика этнополитических систем национальных субъектов федерации, входящих в ПФО // URL: http://www.idmedina.ru/books/materials/faizhanov/3/world_balashov_2.htm
2. Вагапов Р.Н., Вагапова В.Г., Устинкин С.В. Потенциал организаций мусульманского духовенства в развитии и регулировании социально-политических процессов России. Монография. – Н. Новгород: НГЛУ. 2014. – 106 с.
3. Демографические итоги I полугодия 2015 г. (Ч. II) // URL: <http://demoscope.ru/weekly/2015/0655/barom05.php>
4. Кедяркин С.Н., Макарова Л.С. «Нижегородская этнопанорама» и этнокультурная жизнь в Нижегородской области // URL: <http://www.mediascope.ru/?q=node/658>
5. Международная миграция за 2014 г. // URL: <http://nizhstat.gks.ru/>
6. Мониторинг общественно-политической и социально-экономической ситуации в Нижегородской области / Приволжский филиал Института социологии РАН. – Н. Новгород, 2012. – 115 с.
7. Мониторинг общественно-политической и социально-экономической ситуации в Нижегородской области / Приволжский филиал Института социологии РАН. – Н. Новгород., 2013. – 115 с.
8. Морозова Н.М. Реализация национальной политики в ПФО: Проблемы и эффективность. – Н. Новгород, 2013. – 121 с.
9. Салагаев А.Л., Лучшева Л.В. Этнолингвистический конфликт в Республике Татарстан как следствие противоречивой языковой и образовательной политики // Новые проблемы социокультурной эволюции регионов. Сб. материалов VII Всероссийской науч.-практ. конф. – Казань: КНИТУ, 2011. – С. 153–171.
10. Социально-экономическое положение федеральных округов в I квартале 2016 г. Ежеквартальные статистические бюллетени // URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_11400864_20641
11. Устинкин С.В., Полякова Ю.С. Властная элита в региональном политическом процессе. – Н. Новгород: НГЛУ, 2011. – 240 с.
12. Устинкин С.В., Савруцкая Е.П., Морозова Н.М. Влияние глобальных миграционных процессов на межнациональные отношения в Нижегородской области // Диаспоры и землячества: Опыт регионального измерения. Сб. статей / Под ред. А.В. Дмитриева. – М., 2016. – 226 с.

*«Обозреватель-Observer»,
М., 2017 г., № 4, с. 51–58.*

¹ Устинкин С.В., Савруцкая Е.П., Морозова Н.М. Влияние глобальных миграционных процессов на межнациональные отношения в Нижегородской области // Диаспоры и землячества: Опыт регионального измерения. Сб. статей / Под ред. А.В. Дмитриева. – М., 2016.

Г. Гилязов,
директор Центра повышения квалификации
работников религиозных организаций
и преподавателей мусульманских
учебных заведений
(Российский исламский институт)

Р. Нуруллина,
кандидат социологических наук,
ведущий научный сотрудник
(Центр исламоведческих исследований АН РТ),
г. Казань

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПЕРЕПОДГОТОВКА И ПОВЫШЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИИ ИМАМОВ В ТАТАРСТАНЕ: СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА, МНЕНИЯ, ОЦЕНКИ И ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена актуальной для мусульман Татарстана кадровой проблеме. Несмотря на наличие в регионе достаточного количества религиозных учебных заведений, мечети и другие общественные организации все еще нуждаются в высококвалифицированных специалистах различного уровня, востребованы образовательные услуги, в том числе по переподготовке и повышению квалификации имамов. В мусульманских учебных учреждениях Татарстана (и в целом региона Поволжья) повсеместно организуются краткосрочные курсы для имамов, преподавателей религиозных учебных заведений, журналистов, работающих в мусульманских СМИ, и др. В Центре повышения квалификации при Российском исламском институте с учетом особенностей развития системы профессионального религиозного образования разрабатываются адаптированные учебные программы на основе анализа профессиональной деятельности, требований, предъявляемых верующими, запросов мусульманских религиозных организаций. Особый акцент делается на повышении квалификационного уровня сотрудников мечетей, являющихся лидерами мусульманских общин, ввиду особой значимости их деятельности для развития уммы. В статье также приводятся материалы социологического опроса, демонстрирующие спектр мнений и оценок имамов в отношении проблемы кадрового обеспечения махалля, организации курсов повышения квалификации, содержания учебных программ, путей совершенствования учебного процесса и пр. Данные могут быть использованы для оптимизации работы мусульманских учебных заведений, общественных и религиозных организаций.

Ключевые слова: религиозное образование, повышение квалификации, образовательные программы, опрос имамов.

Введение

Решение многих проблем, стоящих сегодня перед мусульманским сообществом России, зависит от успеха деятельности служителей мечетей (имамов) и их способности не только обеспечить духовные потребности людей, но и организовать полноценную жизнедеятельность религиозных общин в соответствии с традициями и с учетом современных условий. Подготовка религиозных кадров, воспитание духовенства являются приоритетным направлением деятельности религиозных учебных заведений, а формирование системы мусульманского образования стало важной частью процесса религиозного возрождения (см.: [1, 2, 4, 5, 6, 7]).

В Республике Татарстан функционирует десять профессиональных учебных заведений, подведомственных региональному Духовному управлению мусульман. В столице республики – Казанский исламский университет, медресе «Мухаммадия» и медресе имени 1000-летия принятия ислама, Казанский исламский колледж, а также шесть медресе в различных районных центрах. Особое место в системе мусульманского образования Татарстана занимает Российский исламский институт (РИИ) – одно из первых в РФ высших профессиональных исламских учебных заведений (основан в 1998 г.). Главной целью РИИ является не подготовка служителей мечетей (имам-хатыйбов), а воспитание современной мусульманской интеллигенции, обучение высококвалифицированных специалистов в области исламской теологии, истории, права, языка, исламской экономики, призванных служить мусульманской умме России¹. В 2015 г. на уровне правительства принято решение об открытии в городе Булгаре Исламской академии. Ожидается, что она сможет объединить потенциал авторитетных российских и зарубежных исламских ученых и станет «достойной альтернативой зарубежному образованию»².

¹ Официальный сайт РИИ: [веб-сайт]. – URL: <http://kazanrii.ru/ob-institute/> (Дата обращения: 25.03.2014.)

² Islam Review: [веб-сайт]. – URL: <http://islamreview.ru/news/sozdanie-bulgarskoj-akademii-islama-odobril-prezident-rossii/> (Дата обращения: 16.06.2015.)

Несмотря на наличие в регионе достаточного количества исламских образовательных учреждений, мечети все еще нуждаются в высококвалифицированных кадрах служителей. В одном из своих публичных выступлений в январе прошлого года ректор РИИ Р.М. Мухаметшин сообщил, что на сегодняшний день около 50 мечетей республики не имеют имамов и потому просто не функционируют, во многих мечетях служат имамы, не имеющие религиозного образования¹. В этой ситуации одним из способов решения кадровой проблемы стала организация курсов повышения квалификации для сотрудников религиозных институтов. Подобная практика получила довольно широкое распространение на всем постсоветском пространстве, в том числе и в контексте профилактики экстремистской и террористической деятельности (см.: [3, 5, 6, 8, 9, 10]).

В Татарстане создаются все возможности, чтобы служители мечетей могли частично восполнить недостаток систематического образования. В большинстве медресе периодически организуются кратковременные курсы, в г. Набережные Челны при медресе «Ак мечеть» функционирует Институт повышения квалификации имамов и проповедников, где ежегодно стажировются около 250 имамов из разных уголков Татарстана. По инициативе Межведомственной рабочей группы по вопросам реализации Республиканской целевой программы по профилактике терроризма и экстремизма в Республике Татарстан, в 2011 г. в Казани на базе Российского исламского института был учрежден Центр повышения квалификации работников религиозных организаций и преподавателей мусульманских учебных заведений.

О деятельности Центра повышения квалификации РИИ

В качестве основных для Центра были определены следующие цели и задачи: обучение на краткосрочных курсах по необходимым для религиозной деятельности дисциплинам работников религиозных организаций, преподавателей учебных заведений и других заинтересованных лиц; оказание содействия иным структурным подразделениям РИИ при организации образовательных, научных и культурных мероприятий; участие в образовательном,

¹ Islam Today: [веб-сайт]. – URL: <http://islam-today.ru/novosti/2016/01/27/50-mecetej-tatarstana-ne-imeut-imamov/> (Дата обращения: 27.01.2016.)

научном и культурном сотрудничестве РИИ с иными организациями на территории РФ и за ее пределами. Из числа работников религиозных организаций приоритет отдается служителям мечетей (преимущественно сельских), которые обязаны проходить курсы повышения квалификации каждые четыре года.

Специально для руководителей и сотрудников махалля с целью углубления их знаний и повышения уровня компетентности была разработана учебная программа «Теория и практика управления мусульманской религиозной организацией». Ее разработчики – проректор по учебной работе РИИ М.Р. Гильманов и кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой исламского вероучения РИИ Р.К. Адыгамов. Содержательная часть программы формировалась на основе анализа профессиональной деятельности имама и проповедника, требований, которые предъявляют верующие к качествам лидера мусульманской духовной общины, запросов централизованных мусульманских религиозных организаций, заинтересованных в повышении квалификации своих религиозных деятелей, а также с учетом особенностей развития системы профессионального религиозного образования в России.

Курс рассчитан на слушателей как имеющих, так и не имеющих профессиональное религиозное образование и направлен на развитие общекультурных и профессиональных компетенций:

- готовность к активному общению в научной, производственной и социально-общественной деятельности;
- владение базовыми теоретическими знаниями в области исламского права и законодательства;
- владение основными навыками межличностного общения и работы в коллективе, управления коллективом, публичной речи, аргументации, ведения дискуссий и полемики;
- развитие личности на базе традиционной ханафитской правовой школы.

Программа предполагает подготовку толерантного к религиозным различиям и готового к продолжению духовного образования гражданина, способного осуществлять деловое общение и практическую деятельность с учетом конфессиональных особенностей. Она включает образовательные модули, касающиеся, с одной стороны, проблем исламского вероучения, права и истории, формирующих религиозную идентичность российского мусульманина, с другой – вопросов ежедневной практической деятельности исламских общин в условиях правового поля РФ, межличностных

отношений внутри коллектива мечети, взаимодействия с верующими.

Длительность курсов составляет десять дней. В этот период служители мечетей получают знания по целому ряду дисциплин, связанных с их профессиональной деятельностью: «Основы поклонения» (Акыйда), «Правила чтения Корана» (Таджвид), «Обязанности имама», «Течения и секты», «Основы психологии», «Российское законодательство в сфере свободы совести», «Семейное право и наследственное право». В качестве преподавателей привлечены выпускники авторитетных мусульманских вузов, таких как Университет Аль-Азхар в Египте (Р. Вахитов, Р. Нургалеев, И. Багаутдинов), Международный исламский университет в Малайзии (Д. Шагавиев), хафизы Корана (А. Хадеев, обучался в Арабской Республике Йемен, А. Сафин, выпускник РИИ), кандидаты наук (Р. Адыгамов, Д. Шагавиев). Важной частью обучения является налаживание профессиональных и межличностных контактов между руководителями махалля, выстраивание дружеских отношений, обмен опытом. С этой целью в вечернее время организуется обсуждение лекций, проводятся дискуссии на различные актуальные темы. Все это способствует укреплению профессиональной солидарности имамов и в целом консолидации уммы Татарстана. По окончании обучения выдается удостоверение о повышении квалификации государственного образца.

Со времени открытия Центра в сентябре 2011 г. была проделана большая работа. Для размещения обучающихся институтом было приобретено двухэтажное здание, оборудованное учебной аудиторией, помещениями для проживания и питания, а также модельным залом. В 2016 г. Центру было предоставлено новое здание, что дало возможность увеличить численность слушателей. Если в прежнем здании одновременно могли обучаться не более 20 имамов, то теперь количество слушателей на одном курсе достигает 40 человек. Здание оборудовано технически, есть компьютерный класс и аудитория с видеопроектором, значительно улучшились бытовые условия.

Первыми слушателями Центра стали 15 имамов из Буинского района. За шесть лет через курсы прошли более 1 тыс. служителей мечетей из всех 45 мухтасибатов РТ. С октября 2013 г. по инициативе полномочного представителя Президента РФ в ПФО и при поддержке Аппарата Президента РТ и ДУМ РТ Центр переподго-

товки получил окружной статус¹, в результате чего расширилась география охвата слушателей. В течение весны 2015 г. квалификацию здесь повысили 70 имамов из восьми регионов Приволжского федерального округа, таких как Республика Мордовия, Чувашская Республика, Кировская область, Пермский край, Саратовская область, Ульяновская область, и даже сельские имамы из Ставропольского края в количестве шести человек. В декабре 2015 г. по инициативе Всемирного конгресса татар обучение на курсах по программе «Теория и практика управления мусульманской религиозной организацией» прошли десять активистов исламского журнала «Умма» г. Бишкек Республики Кыргызстан.

Помимо основной программы по мере необходимости преподавателями Центра разрабатываются специальные курсы для отдельных категорий слушателей: для кадрового резерва служителей мечетей (в 2014 г. прошли обучение около 50 молодых имамов, охвачены все мухтасибаты республики), для преподавателей медресе и имамов, уже имеющих высшее религиозное образование (2015). В последнем случае для чтения лекций были приглашены такие авторитетные зарубежные специалисты, как доктор богословия, профессор Хамдалла Хафиз Мухаммад Сафти и профессор Мухаммад Наджи Хамид Абдульхамид из Университета аль-Азхар, доктор богословия, автор работ по методике призыва и проповеднической деятельности Муаз Аль-Баянуни, ведущий специалист Министерства вакуффов и религиозных дел государства Кувейт.

Социологический опрос служителей мечетей

Центром исламоведческих исследований АН РТ в период с 2011 по 2016 г. опрошено методом анкетирования 700 служителей мечетей из числа обучавшихся на курсах повышения квалификации в Центре повышения квалификации работников религиозных организаций и преподавателей учебных заведений Российского исламского института². В числе прочего в задачи исследования входит выявление мнений и оценок слушателей в отношении организации обучения: степень удовлетворенности качеством лекций, организацией обучения, обеспеченностью учебной литерату-

¹ Входящая телеграмма № 256/А от 27 апреля 2013 г.

² Исследование проводится в рамках проектов «Социологические подходы к определению потребностей в профессиональной переподготовке и повышении квалификации имамов.

рой, бытовыми условиями и т.д.; предложения и рекомендации по усовершенствованию курсов; наиболее приемлемая форма обучения, тематика, преподавательский состав, сроки и др.

Данные, полученные в ходе опроса, позволяют утверждать, что образовательные услуги по профессиональной переподготовке и повышению квалификации весьма востребованы у мусульманских религиозных деятелей. Около половины (46%) опрошенных в прошлом уже обучалось на краткосрочных курсах повышения квалификации, из них 19% – более одного раза, 20% – также в Центре повышения квалификации РИИ. Среди других мест, где респонденты ранее имели возможность пройти стажировку, неоднократно указаны Казанский федеральный университет (либо его филиалы), медресе «Ак мечеть» (Набережные Челны), «Рисаля» (Нижнекамск), «Фанис» (Уруссу), курсы при мечетях других районных центров РТ. Из городов Волго-Уральского региона популярны Саратов, Пермь, Уфа, Пенза. Более 80% слушателей планируют в будущем повторное прохождение курсов повышения квалификации (в течение года – 31,5%, в следующие пять лет – 25, в неопределенном будущем – 24, в Центре повышения квалификации РИИ – 57%). Из них 73,8% заинтересованы в более глубоком изучении религиозных дисциплин, таких, как арабский язык, сира (жизнеописание Пророка Мухаммеда), хадисы (предания о словах и действиях Пророка Мухаммеда), таджвид (правила чтения Корана), акыйда (вероучение), тафсир (толкование Корана), фикх (исламское право), шариат (комплекс предписаний), история ислама, исламская этика (эдэпэхлак), современное исламское право, организация работы имама, методика проведения проповедей и пр. Также 14,8% слушателей хотели бы усваивать на курсах знания в области светских дисциплин: психологии, педагогики, риторики, лингвистики, философии, истории Татарстана, межконфессиональных отношений и пр. Соответственно, ожидаемый преподавательский состав на курсах – это преимущественно исламские ученые-богословы (66% ответивших), тогда как знания светских ученых-исламоведов востребованы в меньшей степени (25%). Подавляющее большинство (более 80%) респондентов согласны с необходимостью регулярного повышения квалификации слушателями мечетей, причем 75% полагают, что это должно происходить не реже, чем раз в четыре года.

Около 90% слушателей курсов указали, что в целом удовлетворены качеством образовательных услуг по переподготовке и повышению квалификации, полученных в РИИ, 10,5% отметили

наличие недостатков организационного и методического характера. Среди рекомендаций по усовершенствованию курсов наиболее часто встречаются следующие:

- распределять группы обучающихся по уровню подготовки, языку обучения, возрасту;
- увеличить количество аудиторных занятий;
- во время занятий более активно использовать видеоматериалы;
- организовать библиотеку, а также спортзал для молодых имамов;
- организовывать экскурсии, религиозные мероприятия, чтение проповедей (вагаз) и пр.

Заключение

Образовательные услуги по переподготовке и повышению квалификации работников религиозных организаций в современных условиях представляются весьма востребованными. В мусульманских учебных учреждениях Татарстана (и в целом региона Поволжья) повсеместно организуются краткосрочные курсы для имамов, преподавателей религиозных учебных заведений, журналистов, работающих в мусульманских СМИ, и др. В Центре повышения квалификации РИИ для них разрабатываются адаптированные учебные программы на основе анализа профессиональной деятельности, требований, предъявляемых верующими, запросов мусульманских религиозных организаций, с учетом особенностей развития системы профессионального религиозного образования в современной России. Особый акцент делается на повышении квалификационного уровня служителей мечетей, являющихся лидерами мусульманских общин, ввиду особой значимости их деятельности для развития уммы. Материалы социологического исследования демонстрируют спектр мнений и оценок имамов в отношении проблемы кадрового обеспечения махалля, организации курсов повышения квалификации, содержания учебных программ, путей совершенствования учебного процесса и др. Эти данные могут быть использованы для оптимизации работы мусульманских учебных заведений, общественных и религиозных организаций, в том числе и в работе Центра повышения квалификации РИИ.

Литература

1. Айнутдинова К. Проблематика развития мусульманского образования в России и Средней Азии // Минбар. – 2009. – № 2 (4). – С. 5–14.
2. Аккиева С.И., Сампиев И.М. Состояние и проблемы мусульманского образования в Кабардино-Балкарской Республике // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 22. – С. 158–163.
3. Галлиев И.Ш. Об опыте взаимодействия органов государственной власти, местного самоуправления и правоохранительных структур в профилактике экстремистской и террористической деятельности // Казанский педагогический журнал. – 2015. – Т. 3. – № 6–3 (113). – С. 13–17.
4. Калимуллин Р.Х. Модернизация трехуровневой системы исламского образования // Фундаментальные исследования. – 2015. – № 2. – С. 1051–1056.
5. Курбанова Н. Исламское образование в Кыргызстане // Центральная Азия и Кавказ. – 2014. – Т. 17. – Вып. 1. – С. 102–117.
6. Мухаметшин Р.М. Стратегические направления развития мусульманского образования в России // Ислам в современном мире. – 2015. – Т. 11. – № 4. – С. 35–46.
7. Патеев Р.Ф. Россия: Проблемы кооптации выпускников исламских вузов в официальное мусульманское духовенство (на примере Дагестана) // Кавказ и глобализация. – 2008. – Т. 2. – Вып. 3. – С. 150–160.
8. Пачежерцев Н.И. Мосенина С.В. Мусульманское сообщество в Тюменской области: Преодоление экстремизма через образование // Академический вестник. – 2015. – № 1 (31). – С. 31–37.
9. Рудакова Е.А. Эволюция традиционного ислама в рамках проблемы конфессиональной безопасности Приволжского федерального округа России // Власть. – 2014. – № 8. – С. 76–84.
10. Юнусова А. Имамы – слабое звено российского ислама (к вопросу о духовных ресурсах безопасности) // Экономика и управление: Научно-практический журнал. – 2016. – № 5 (133). – С. 93–99.

*«Исламоведение,
Махачкала, 2017 г., т. 8, № 1, с. 29–36.*

А. Адиев,

кандидат политических наук,
ученый секретарь Регионального центра
этнополитических исследований
Дагестанского научного центра РАН

Е. Щербина,

кандидат политических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник
Карачаево-Черкесского института
гуманитарных исследований при Правительстве
Карачаево-Черкесской Республики

**ДАГЕСТАН И КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИЯ:
ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОГО
СОСТАВА В ОРГАНАХ ВЛАСТИ
В ПОЛИЭТНИЧНЫХ РЕГИОНАХ**

Аннотация. В статье представлен анализ роли неформального института представительства этносов при формировании органов государственной власти в двух многонациональных субъектах Российской Федерации – Карачаево-Черкесии и Дагестане, где в целях обеспечения этнополитической стабильности осуществляется сбалансированное политическое представительство этнических групп.

Ключевые слова: неформальное этническое представительство, полиэтничный регион, государственная национальная политика.

В регионах с высоким уровнем этнической гетерогенности перед политическим руководством встает необходимость консолидации представителей основных этнических групп путем включения их в процесс распределения властных позиций в целях обеспечения общественно-политической стабильности. Включение в региональное правительство и парламент представителей основных этносов способствует сохранению политической стабильности, а регионы, не справляющиеся с этими задачами, подвергаются опасности этнополитических противоречий и конфликтов. Республика Дагестан (РД) и Карачаево-Черкесская Республика (КЧР) являются самыми многонациональными субъектами в составе России. Их опыт в обеспечении этнополитической стабильности во многом связан с практикой сбалансированного политического представительства этносов, т.е. формирования органов государст-

венной власти и местного самоуправления с учетом интересов этнических групп, проживающих в регионе.

Карачаево-Черкесская Республика. Основными этническими группами, проживающими на территории республики, являются абазины, карачаевцы, ногайцы, русские и черкесы. На их долю, согласно результатам Всероссийской переписи населения 2010 г., приходится 95,6% населения региона¹. С 1996 г. в Конституции КЧР неизменным остается положение о субъектообразующем статусе этих народов, чьи национальные языки признаны государственными языками в республике, а руководящий состав правительства и парламента республики формируется с учетом национального представительства². Таким образом, в конституционной модели формирования и функционирования органов государственной власти республики заложен принцип политического представительства этнических групп.

В 1999 г. в КЧР состоялись выборы президента республики, после которых в течение года продолжался этнополитический кризис, пока в 2000 г. не была введена система этнического представительства в региональных органах власти [Филалеева 2011: 55]. Нынешняя система негласно закрепила ключевые властные позиции в КЧР следующим образом: глава КЧР – карачаевец, председатель правительства КЧР – черкес, председатель Народного собрания КЧР – русский. Кроме того, в состав республиканского правительства и парламента неизменно входят чиновники и депутаты, представляющие субъектообразующие этносы, при этом и руководство республики, и общественность внимательно следят за пропорциональностью представительства этнических групп во властных структурах КЧР. Неформальное этническое представительство распространяется не только на органы государственной власти субъекта, но и на органы местного самоуправления. Так, во главе сельских муниципальных районов КЧР стоят представители этнического большинства, в них проживающего. Из десяти

¹ Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. в отношении демографических и социально-экономических характеристик отдельных национальностей. Доступ: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/results2.html (Проверено: 18.11.2016.)

² Конституция КЧР в ред. Конституционного закона КЧР от 27.06.2012 № 49-РКЗ. – Народное собрание (Парламент) Карачаево-Черкесской Республики. Официальный сайт. Доступ: <http://www.parlament09.ru/node/295> (Проверено: 20.11.2016.)

районов КЧР во главе муниципалитетов стоят четыре карачаевца, два русских, два черкеса, один абазин и один ногаец.

Вопросы соблюдения принципов неформального этнического представительства в региональных органах власти всегда находились под контролем национальных общественных организаций, которые с момента своего возникновения (середина 1990-х годов) инициировали проблему этнического представительства во власти, в которой позиции общественных активистов от этнических групп в значительной степени определялись численностью этносов. Так, карачаевцы и русские (в силу своей многочисленности по сравнению с остальными народами КЧР) считали, что в основу этнического представительства должен быть положен принцип пропорциональности. Меньшие по численности этносы – черкесы, абазины и ногайцы – настаивали на принципах паритетного представительства во власти, на поочередном руководстве республикой представителями пяти субъектообразующих этносов КЧР, а также на конституционном закреплении данного правила. Активная борьба лидеров национальных общественных организаций за большее представительство своих народов во властных структурах республики мотивирована тем, что государственность каждого народа в значительной степени гарантируется их представительством в органах государственной власти КЧР.

Самый крупный конфликт, связанный с принципом этнического представительства, произошел во время первых выборов президента республики в мае 1999 г. Он вылился в открытое столкновение между абазинами, черкесами и частью русского населения, поддержавшими кандидатуру черкеса С. Деревы, и карачаевцами, поддерживающими В. Семёнова. Выборы в КЧР приняли национальный характер, что отразилось в «этническом» голосовании избирателей. Конфликт обнажил вопросы политического содержания: реализацию коллективных прав малочисленных этносов, доступ во власть и повышение политического статуса этносов, меньших по численности. В 2000 г. очередное противостояние между органами власти республики и черкесами в лице черкесских общественных организаций произошло из-за должности председателя правительства, на тот момент занимаемой русским В.И. Нещадимовым. Лидеры общественных организаций абазин и черкесов выступали за назначение на эту должность черкеса С. Деревы. Еще одна конфликтная ситуация, приобретающая характер этнического противостояния, возникла в 2008 г. и также была связана с нарушением сложившегося в КЧР представительства

этносов во власти. Во время президентства Б. Эбзеева, публично заявившего, что он разрушит устоявшуюся кланово-этнократическую систему назначений на должности и в основу положит принцип профессионализма, на должность председателя правительства КЧР был назначен грек по национальности. Это вызвало возмущение лидеров черкесских общественных движений, которые на чрезвычайных съездах черкесского народа заявляли об образовании национальной автономии и выходе из состава КЧР¹. После давления черкесских общественных организаций председателем правительства КЧР вновь стал черкес, а спикером парламента – русский.

Таким образом, предпринятая в 2008 г. попытка сломать сложившуюся систему этнического представительства вызвала немалые сложности в межэтнических отношениях [Панов 2015а: 301]. А в 2010–2011 гг. ситуацию в КЧР усугубило блокирование карачаевским большинством в парламенте республики кандидатуры В. Дерева (черкеса по национальности) в Совет Федерации ФС РФ, что вызвало массовые протестные акции со стороны черкесского населения. Таким образом, в полиэтничной Карачаево-Черкесской Республике с момента ее создания существует управленческая модель, основанная на системе пропорционального неформального этнического представительства, обеспечивающего политический баланс среди пяти субъектообразующих народов региона. Данная управленческая модель является результатом негласного общественного договора, призванного обеспечить этнополитическую стабильность в регионе, которая периодически нарушается из-за расхождения политических назначений с устоявшейся в КЧР системой неформального этнического представительства.

Республика Дагестан. Самый яркий пример неформальной институционализации распределения властных позиций по этническому принципу демонстрирует Дагестан, где в систему квотирования включены 14 так называемых титульных этнических групп (аварцы, даргинцы, кумыки, лезгины, русские, лакцы, табасаранцы, азербайджанцы, чеченцы, агульцы, ногайцы, рутульцы, цахуры и таты). Еще до первых выборов в Народное собрание (парламент) РД в 1991 г. прошли выборы в городские собрания депутатов. По итогам тех выборов, когда вопрос национального

¹ Бондаренко М. 2010. Возвращение национального паритета. – Независимая газета. 08.02. С. 2. Доступ: http://www.ng.ru/regions/2010-02-08/6_paritet.html (Проверено: 20.11.2016.)

представительства был поставлен на самотек, в городские собрания депутатов дагестанских городов прошли лишь представители этнического большинства, проживающего в этих городах. Например, в Кизилюрте победили только аварцы. Аналогичным образом сформировались городские собрания в других городах республики. Сразу же после выборов прокатилась волна возмущений, возродились национальные движения, в том числе из-за отсутствия механизмов учета этнополитического баланса в регионе. Поэтому к 1995 г. в Дагестане были разработаны новые региональные законы, сформированы новые региональные политические институты и органы власти, такие, как Госсовет РД – коллегиальный высший орган государственной власти РД [Салгириев 2015: 84]. В 1995 г. на первых выборах в региональный парламент в Дагестане использовалось формально (законодательно) установленное квотирование по этническому принципу. Голосование проходило в многомандатных округах, и большая часть мандатов была закреплена за представителями определенных этнических групп. Вспоминая политические процессы 90-х годов, связанные с активизацией этнических движений, бывший президент Дагестана Муху Алиев пишет: «Если говорить о дагестанской традиции, то мы всегда ставили перед собой одну задачу: легитимным дагестанский парламент может быть только тогда, когда этот парламент представляет все районы, города Дагестана и все народы Дагестана. Парламент, который не отвечает этим требованиям, не может быть легитимным» [Алиев 2015: 310]. Электоральная реформа 2003 г., которая обязала субъекты РФ ввести пропорциональный принцип на выборах в региональные парламенты, вынудила Дагестан отказаться от квотирования, однако по факту оно продолжается на конвенциональной основе (через соответствующее формирование партийных списков) [Панов 2015б: 155]. Кроме того, в Дагестане сложилась устойчивая практика распределения ключевых должностей по этническому принципу. Как и в КЧР, в Дагестане представители одной и той же этнической группы не могут занимать одновременно две или три ключевые позиции в системе государственной власти. По сложившейся практике должность главы субъекта занимает представитель одного из крупнейших по численности дагестанских народов (аварцев или даргинцев), но в отличие от КЧР система этнического представительства в РД гибкая и учитывает возможность смены национальности руководителя республики, в случае чего незамедлительно осуществляется ротация и по остальным властным позициям в РД. Таким образом, ни одна руко-

водящая должность в Дагестане не закреплена за конкретным этносом, но распределение властных позиций осуществляется по этническому принципу в зависимости от национальности политика, занявшего пост главы региона. К примеру, если глава региона – аварец по национальности, то должность спикера парламента займет либо даргинец, либо кумык, но никак не аварец.

Проделанный нами анализ позволяет рассматривать практику этнического представительства в органах государственной власти полиэтничных регионов российского Кавказа как неформальный политический институт. Неписанные правила игры диктуют необходимость представительства во власти РД и КЧР как можно большего числа сегментов полиэтничного общества. Этот институт признается и федеральным центром, который с пониманием относится к региональным особенностям при постановке кадровых вопросов и распределении властных позиций. Считается, что практика обеспечения представительства основных этнических групп во властных структурах поддерживает общественно-политическую стабильность в полиэтничных республиках, в то время как отсутствие представителей отдельных этнических групп в органах государственной власти многонациональных республик рассматривается местным сообществом как фактор отчуждения этих народов от власти. Существующая на сегодняшний день практика этнического представительства в РД и КЧР – это региональная политическая традиция, неформальный политический институт и фактор политизации национального вопроса одновременно. Соблюдение баланса находится под контролем как общества, так и власти. Система политического представительства этносов не совершенна, не лишена недостатков, в ее адрес много критики, в том числе и хорошо аргументированной. Главным образом, речь идет о номинальности института, имитации полноценного представительства народов, а также непропорциональном и непаритетном распределении властных позиций между этническими сегментами многонациональных сообществ.

(Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта «Распределение властных позиций в Дагестане, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Северной Осетии-Алании: Сравнительное исследование функционирования института неформального этнического квотирования в полиэтничных регионах России» № 16-03-00440).

Литература

1. Алиев М.Г. 2015. Выбор курса. Проблемы модернизации региона. – М.: Канон+, – 716 с.
2. Панов П.В. 2015а. Институциональные модели организации власти в полиэтнических обществах: Варианты, проблемы и решения. – Российская политическая наука: Идеи, концепции, методы: научное издание. – М.: Аспект Пресс. – С. 289–307.
3. Панов П.В. 2015б. Этничность и распределение властных позиций в полиэтническом обществе: Проблемы и решения. – Российский Кавказ: Проблемы, поиски, решения: научное издание. – М.: Аспект Пресс. – С. 148–158.
4. Салгириев А.Р. 2015. Структура политической элиты в полиэтнических республиках Северного Кавказа. – Вестник РУДН. Сер. Политология. – № 2. – С. 83–89.
5. Филалеева И.Н. 2011. Регулирование межнациональных отношений при формировании региональных органов государственной власти – Власть. – № 11. – С. 53–58.

*«Власть»,
М., 2017 г., № 2, с. 59–63.*

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

А. Цуркан,

кандидат политических наук,
научный сотрудник Центра анализа
ближневосточных конфликтов
(Институт США и Канады РАН)

РЕЖИМ ПРЕКРАЩЕНИЯ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ В СИРИИ: УСПЕХИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Аннотация. Режим прекращения боевых действий в Сирии, введенный в конце февраля 2016 г., анализируется через призму российско-американского сотрудничества. Первоначальный успех частичного прекращения огня, обозначивший значительный сдвиг в международных усилиях по урегулированию сирийского конфликта, способствовал интенсификации двустороннего взаимодействия Москвы и Вашингтона. Однако еще до начала реальной координации усилий для проведения совместных бомбардировок позиций «Джабхат ан-Нусры» и ИГ встал вопрос об аннулировании всех договоренностей по Сирии между Россией и США. Таким образом, было поставлено под сомнение прекращение боевых действий.

Ключевые слова: Сирия, Россия, США, российско-американские отношения, режим прекращения боевых действий.

Во многом благодаря политической воле России и США, действовавших в качестве сопредседателей Международной группы поддержки Сирии (далее – МГПС) и согласовавших все необходимые условия прекращения огня, 27 февраля 2016 г. с полуночи по дамаскскому времени был введен режим прекращения боевых действий, знаменовавший серьезный прорыв в ходе урегулирования сирийского конфликта. Позже специальный посланник Гене-

рального секретаря ООН по Сирии С. де Мистура будет называть «чудом» российско-американские усилия [Mistura, 2016a], приведшие к согласованию конкретных условий по имплементации соответствующего режима и, как следствие, к реальному сокращению числа бомбардировок и жертв среди мирных жителей. Однако в конце февраля международное сообщество еще предпочитало более умеренный тон в оценках предполагаемых успехов мирной инициативы, обозначая ее, скорее, как «испытание на прочность» реальных возможностей внешних игроков воздействовать на вовлеченные в вооруженное противостояние силы.

По большому счету в то время не было уверенности ни в том, что американцы, которые, по оценкам многих экспертов, потеряли контроль над оппозицией, смогут воздействовать на нее; ни в том, что россияне перестанут наносить удары по рядам этой оппозиции под предлогом борьбы с ИГ и «Джабхат ан-Нусрой»; ни в возможности приостановки пятилетней гражданской войны и перехода к политическому процессу.

Вообще, несмотря на то что МГПС призывала конфликтующие стороны к прекращению огня начиная с октября 2015 г., т.е. практически непосредственно с даты своего создания, впервые решение о введении режима прекращения боевых действий в Сирии было принято в ходе Мюнхенской встречи 12 февраля 2016 г. Для претворения в жизнь этого решения в составе МГПС была создана отдельная целевая группа под председательством России и США, в задачи которой входило, среди прочего, проведение внутрисирийских консультаций с правительством и оппозицией. В соответствии с заявлением МГПС от вышеуказанной даты стороны должны были приступить к введению режима прекращения огня в недельный срок после достижения взаимного согласия по этому поводу [Заявление..., 2016]. За это время Москве и Вашингтону следовало определить условия прекращения боевых действий.

Очевидно, что процесс внутрисирийских консультаций, равно как и согласования позиций двух председателей МГПС, проходил далеко не гладко, что было ожидаемо. Уже 15 февраля, т.е. спустя три дня после заключения Мюнхенского соглашения, Государственный департамент США в одном из своих официальных заявлений в связи с авиаударами по гражданским объектам в районе Алеппо выражал «сомнение по поводу желанности и / или возможности России оказать помощь в прекращении продолжающейся агрессии режима Б. Асада против собственного народа» [Kirby,

2016]. В мировых СМИ появились спекуляции на тему попыток официального Дамаска и его союзников добиться максимального упрочения своих позиций на земле до введения режима частичного прекращения огня, чему в целом можно было найти подтверждения исходя из заявлений самого Б. Асада и интенсификации бомбардировок. Россия, безусловно, отвергала обвинения в свой адрес, утверждая, что они были «изобретены в Вашингтоне» [Захарова, 2016а]. Поэтому к 20 февраля, когда условия прекращения боевых действий в Сирии все еще находились в стадии согласования между сопредседателями МГПС, казалось, что существующая мирная инициатива не получит развития, как и все прежние, из-за критической невозможности Москвы и Вашингтона договориться между собой – в условиях обострения взаимоотношений двух стран, произошедшего после украинских событий.

В предыдущие годы, когда российско-американские связи находились в лучшем состоянии, некоторые эксперты по Ближнему Востоку уже высказывали предположения, что международные дипломатические усилия по Сирии не достигают своей цели во многом из-за того, что Россия и США не могут найти точки соприкосновения по вопросу дальнейшего развития сирийского политического процесса [Tablet, 2013]. Камнем преткновения и тогда, и сейчас была судьба президента Б. Асада, с тем только отличием, что в настоящее время на первый план вышла борьба с терроризмом. Однако, хотя сейчас и российские, и американские вооруженные силы на территории Сирии участвуют в этой борьбе, они находятся по разные стороны баррикад. И все-таки усилия США и России и общая усталость от сирийского конфликта, накопившаяся не только у непосредственных участников этого конфликта, но и в странах задействованного региона Ближнего Востока, а также необходимые гарантии, полученные от определенных участников достаточно репрезентативной МГПС, сыграли свою роль при заключении реальных договоренностей.

Так, 21 февраля 2016 г. на сайте МИД России появилось краткое сообщение о том, что согласование основных условий частичного прекращения огня близко к завершению, а выработанные предложения и параметры устанавливаемого режима выносятся на рассмотрение президентов России и США [О телефонном разговоре..., 2016б]. А уже 22 февраля было опубликовано совместное заявление сопредседателей МГПС от Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки о прекращении боевых действий

в Сирии, во исполнение которого 27 февраля на сирийской территории и был введен режим частичного прекращения огня.

Техническая работа по сбору информации от конфликтующих сторон и контролю за соблюдением режима прекращения огня была поручена двум центрам по примирению враждующих сторон: российскому – на авиабазе Хмеймим в Сирии и американскому – в иорданской столице Аммане. Российский центр начиная с 28 февраля ежедневно выпускает информационный бюллетень, в котором публикуются общие данные о соблюдении режима прекращения боевых действий, о возможных нарушениях и гуманитарном доступе. По сообщению Министерства обороны России от 27 февраля 2016 г., к режиму частичного прекращения огня помимо Сирийской армии, при посредстве Российского центра в Сирии присоединились еще 17 вооруженных формирований общей численностью 6111 человек, занимающих 74 населенных пункта и района, удары по которым отныне должны были быть исключены [в Минобороны России..., 2016].

Впоследствии, по словам спецпосланника по Сирии С. де Мистуры, режим прекращения боевых действий соблюдался вплоть до конца апреля 2016 г. [Mistura, 2016a], когда численность присоединившихся к нему группировок достигла 52 [Информационный бюллетень..., 2016a]. Тем не менее это не означало прекращения всех бомбардировок на сирийской территории. Россия и коалиция стран во главе с США, а также непосредственные участники конфликта – официальный Дамаск и оппозиционные группировки – продолжали вести борьбу с ИГ и «Джабхат ан-Нусрой», исключенными из любых переговоров по прекращению огня в силу признания их террористическими организациями Советом Безопасности ООН. Безусловно, фиксировались и периодические нарушения установленного режима обеими сторонами: Сирийской армией и оппозицией. Но в целом, по словам С. де Мистуры, в этот период число человеческих жертв в зоне конфликта сократилось в разы [Mistura, 2016a].

Однако после серии массированных бомбардировок, которым подверглись районы Дамаска и Алеппо во время проведения последующих межсирийских переговоров, спецпосланник по Сирии заговорил о необходимости переутверждения режима прекращения боевых действий, что было возможно только при наличии политической воли России и США. Поэтому С. де Мистура выступил с инициативой повторного привлечения Москвы и Вашингтона к переговорному процессу и провел официальные встречи

с государственным секретарем США Дж. Керри и министром иностранных дел России С. Лавровым.

По итогам этих консультаций Российская Федерация и Соединенные Штаты 9 мая 2016 г. выступили с совместным заявлением, в котором еще раз подтвердили приверженность обеих сторон соблюдению режима прекращения огня и обозначили конкретные шаги по его реализации на всей территории Сирии. Кроме того, Москва и Вашингтон договорились о создании в Женеве совместного российско-американского Центра оперативного реагирования на нарушения режима прекращения огня. С. Лавров охарактеризовал достигнутые соглашения как «очень большой качественный шаг вперед к более интенсивной координации российской стороны с американской и в целом с возглавляемой США антитеррористической коалицией» [Выступление и ответы..., 2016а].

По данным Министерства обороны России на 1 сентября 2016 г., к процессу перемирия присоединились 534 населенных пункта и 69 вооруженных формирований [Информационный бюллетень..., 2016б]. Однако по-прежнему не удавалось стабилизировать обстановку в районе Алеппо, Дамаска, а также на ряде других направлений, где происходили постоянные боестолкновения Сирийской армии с оппозицией и радикальными исламистами из «Джабхат ан-Нусры». Именно поэтому в конце августа 2016 г. Дж. Керри назвал режим прекращения огня «существующим, в большинстве случаев, если не во всех, только на бумаге» из-за недостатка ответственности участников и невозможности справиться с нарушениями [Керри, 2016с].

Нужно отметить, что после создания в мае 2016 г. женевского Центра оперативного реагирования сопредседатели МГПС не оставляли попытки имплементировать режим прекращения огня, понимая, что перемирие является базисом как для осуществления гуманитарного доступа в зоны боевых действий, так и для дальнейшего политического урегулирования конфликта. Так, 6 июля 2016 г. состоялся телефонный разговор между президентами США и России – В. Путиным и Б. Обамой, после чего 14–15 июля госсекретарь США Дж. Керри, посетивший Россию с официальным визитом, провел встречи с В. Путиным и С. Лавровым. Итогом этих переговоров стало новое подтверждение приверженности обеих стран режиму прекращения боевых действий, а также признание необходимости приложения усилий по его возобновлению и, возможно, установлению полноценного режима прекращения огня. Однако детали переговоров и разрабатываемых соглашений

не разглашались. Было известно только, что американская и российская экспертные группы проводят регулярные заседания в Женеве. Когда спустя месяц – 26 августа – состоялся публичный отчет Дж. Керри и С. Лаврова, финальное соглашение так и не было представлено. Главы внешнеполитических ведомств ссылались на продолжающийся процесс согласования.

Тем не менее после личной встречи В. Путина и Б. Обамы на полях саммита «большой двадцатки» 4 сентября 2016 г. в Китае стало очевидно, что между президентами двух стран достигнута принципиальная договоренность. Уже 10 сентября, по итогам переговоров в Женеве, продолжавшихся 15 часов, С. Лавров и Дж. Керри заявили о переутверждении режима прекращения боевых действий на всей территории Сирии. При этом широкой публике не было представлено никаких конкретных двусторонних соглашений, несмотря на то что в ходе пресс-конференции министры упомянули пять таких документов [Kerry, 2016d]. Вместе с тем повторное введение в действие режима прекращения огня было осуществлено в полночь 12 сентября, после чего последовал тестовый семидневный период.

Принципиальным отличием от предыдущих договоренностей в этот раз стал запрет на проведение Сирийской армией воздушных бомбардировок территорий дислокации умеренной оппозиции; фактическое сохранение статус-кво на земле на основании запрета по отвоевыванию территорий враждующих сторон, а также открытие дорог для свободного гуманитарного доступа. Россия и США традиционно взяли на себя обязательства гарантировать соблюдение режима прекращения боевых действий со стороны официального Дамаска и оппозиционных группировок соответственно.

Уже в ходе пресс-конференции 10 сентября С. Лавров заявил, что правительство Б. Асада готово выполнять российско-американские договоренности [Выступление и ответы..., 2016в]. Далее при соблюдении в течение семи дней режима прекращения огня Россия и США должны были приступить к созданию Совместного исполнительного центра, в рамках которого военные двух стран должны были заниматься вопросами разграничения умеренной оппозиции и «Джабхат ан-Нусры», а также координацией совместных российско-американских боевых ударов по «Джабхат ан-Нусре» и ИГ.

Однако сокращение насилия в Сирии после переутверждения режима прекращения боевых действий отмечалось только

в период с 12 по 17 сентября 2016 г. И даже в начале этого периода, по сообщениям МИД РФ, ряд вооруженных группировок сирийской оппозиции, включая «Ахрар аш-Шам», отказывался следовать российско-американским договоренностям [Комментарий Департамента информации..., 2016а]. 17 сентября российская сторона официально объявила о факте бомбардировки позиций Сирийской армии в районе аэропорта города Дейр эз-Зор авиацией коалиции во главе с США [Комментарий Департамента информации..., 2016в]. На следующий день, 18 сентября, сирийские войска осуществили бомбардировку рядов оппозиции в районе Алеппо, а 19 сентября, по информации С. де Мистуры, режим Б. Асада объявил об одностороннем выходе из режима прекращения боевых действий [Mistura, 2016с]. Вечером того же дня в районе Алеппо обстрелу подвергся гуманитарный конвой ООН, в результате чего погибли сотрудники гуманитарной миссии.

С этого момента само существование режима прекращения боевых действий, коспонсорами которого являлись Россия и США, было поставлено под вопрос. Несмотря на продолжающиеся двусторонние контакты между С. Лавровым и Дж. Керри лично и по телефону, две встречи МГПС на полях сессии Генеральной Ассамблеи ООН 20–22 сентября, антагонизм между позициями Москвы и Вашингтона вышел на первый план.

Москва, продолжая открещиваться от любых обвинений в срыве договоренностей о прекращении огня, адресованных российским военным или официальному Дамаску, указывала на инцидент в городе Дейр эз-Зор и упрекала американцев в нежелании сражаться с «Джабхат ан-Нусрой» [Лавров, 2016]. Вашингтон, в свою очередь, в совместном заявлении, подписанном также министрами иностранных дел Франции, Германии, Италии, Великобритании и Верховным представителем ЕС по иностранным делам, выражал сомнение в приверженности России дипломатическому разрешению сирийского кризиса, отмечая беспрецедентную поддержку, которую Россия оказывала режиму Б. Асада в наступательной операции в районе Алеппо [Joint statement..., 2016].

28 сентября Дж. Керри предупредил С. Лаврова, что США готовы приостановить действие российско-американских договоренностей по Сирии [Secretary Kerry's call..., 2016b], что будет означать фактически полную смену парадигмы процесса сирийского урегулирования. Именно это и произошло в конце сентября 2016 г.

Таким образом, остается констатировать, что в условиях «нового» восприятия Москвы на международной арене и соответ-

ствующего к ней отношения, сложившегося по итогам украинского кризиса и присоединения Крыма к России, российско-американская кооперация буксует. По сути, Россия сама «навязала себя» в качестве активной стороны сирийского конфликта, приступив 30 сентября 2015 г. к проведению в Сирии военно-воздушной операции.

Но выгодно ли российской власти разрешение конфликта в Сирии в обозримом будущем? Тема противостояния террористам в Сирии¹ удачно сменила украинскую тематику в российских СМИ. На то же самое был сделан расчет и во внешней политике. Нужно добавить, что если в настоящее время из российского информационного поля полностью уйдет образ внешнего врага (особенно реального), на вооруженное противостояние с которым тратятся бюджетные средства, на первый план выйдут внутренние проблемы, в частности дефицит бюджета в условиях санкций, антисанкций и общего экономического кризиса.

В отличие от России, США, несмотря на свою изначально четкую позицию по судьбе Б. Асада («Асад должен уйти»), далеко не сразу включились в войну на стороне «умеренной» оппозиции. Они до последнего тянули с поставкой ей сколь-нибудь серьезных вооружений (приборы ночного видения не в счет!), тем самым навлекая на себя ее гнев и, по факту, вынуждая ее обращаться за поддержкой в различные неправительственные фонды арабских стран, включая джихадистские. По мнению российского востоковеда Г. Мирского, основной причиной оттягивания администрацией Б. Обамы принятия решения об оказании прямой военной помощи сирийским повстанцам были опасения по поводу возможности попадания американского оружия в руки «Джабхат ан-Нусры», активно воюющей в Сирии [Мирский, 2013].

В итоге как триггером, так и основным реципиентом американских бомбовых ударов по территории Сирии позднее стало ИГ². Таким образом, несмотря на декларативные заявления,

¹ Именно в такой упрощенной форме – в виде борьбы режима Б. Асада с различными террористическими группировками – представлен сирийский конфликт в российском медийном пространстве, где отрицается сама суть генезиса этого конфликта – противостояние официального Дамаска и восставших против него граждан страны.

² Напомним, что Соединенные Штаты проводят операцию против ИГИЛ на территории Ирака и Сирии с августа 2014 г. в составе коалиции из 67 стран, включающей, что следует отметить особо, большое количество арабо-мусульманских стран.

которые политический истеблишмент Соединенных Штатов делал в отношении сирийского режима, начиная с 2011 г. США не предпринимали активных действий с целью его свержения.

Напротив, военная операция ВКС России против ИГ в Сирии направлена как раз на то, чтобы оказать поддержку режиму Б. Асада, в том числе и в борьбе с «умеренной» оппозицией, которую в Москве, по примеру официального Дамаска, зачастую именуют «радикальной оппозицией», «оппозиционерами-джихадистами», даже «экстремистами» и «террористами» [Захарова, 2016в].

Тем не менее Россия нужна Соединенным Штатам в качестве партнера, способного оказывать влияние на режим Б. Асада. «Выторговать» уход Б. Асада, соблюдение договоренностей о прекращении огня и другие уступки американцы могут только через союзника официальной сирийской власти. При этом ни Корпус стражей исламской революции (Иран), ни «Хизбалла» (Ливан) союзниками США не являются. Более того, по мнению Г. Мирского, именно вовлечение в войну на сирийской территории 3–4 тыс. шиитских боевиков «Хизбаллы», означавшее, что в конфликт все более решительно вмешивается Иран, подтолкнуло официальный Вашингтон к принятию решения о поставках вооружения «умеренной» оппозиции [Мирский, 2013]. Россия же готова к сотрудничеству и стремится к нему, чтобы вернуть себе былое место на международной арене.

В любом случае российско-американское сотрудничество, пусть и неполноценное, привело в феврале 2016 г. к установлению режима прекращения боевых действий в Сирии, который мог стать прологом к введению всеобщего перемирия. Но, как бывало не раз во взаимоотношениях России и США, восприятие ситуации и связанные с этим ожидания в двух столицах «заклятых друзей» оказались различными. Российская сторона ожидает главным образом возобновления полноценной кооперации Москвы и Вашингтона, желательно с установлением двустороннего военного сотрудничества на паритетных условиях. Американская сторона, похоже, ожидает, что сможет сыграть на реальной заинтересованности России в восстановлении связей с западным миром после украинских событий, чтобы иметь внешний источник влияния на Б. Асада, при этом, безусловно, не доверяя официальной Москве.

Интересно, что в нынешней ситуации Соединенные Штаты часто используют дискурс, более характерный для России: в нем соседствуют и совершенно конкретные обвинения Москвы в нарушении режима прекращения огня и нанесении бомбовых ударов

по позициям противников Б. Асада, и, можно сказать, благодарность за включенность страны в процесс урегулирования сирийского конфликта [Secretary Kerry's call., 2016a; Kerry, 2016c].

В то же время за период с февраля по сентябрь 2016 г. прослеживалась тенденция к потеплению американской риторики в отношении России. Если накануне установления режима прекращения боевых действий Б. Обама заявлял, что «российская интервенция и бомбардировки укрепили режим Б. Асада и усугубили гуманитарную катастрофу в Сирии» [Obama, 2016], и выражал сомнения в заинтересованности Москвы в выполнении взятых ею на себя обязательств, то во время своего визита в Москву в июле 2016 г. Дж. Керри, апеллируя к совместным успехам российско-американской дипломатии в решении вопросов по химическому оружию в Сирии, иранской ядерной сделке и изменению климата, утверждал, что две страны могут добиться позитивных сдвигов при наличии политической воли [Kerry, 2016b]. Хотя многое, конечно, будет зависеть от конкретных действий России.

Нужно отметить, что Россия изначально пыталась повысить уровень российско-американского сотрудничества, ссылаясь на необходимость интенсифицировать кооперацию между военными ведомствами двух стран [О встрече..., 2016; о телефонном разговоре..., 2016a]. Следует обратить внимание на сообщение С. Лаврова о том, что американская сторона только 26 августа впервые предоставила российским коллегам список группировок, присоединившихся к режиму прекращения боевых действий через американский координационный центр в Аммане [Выступление и ответы..., 2016b]. Скорее всего, информация министра иностранных дел полностью соответствует действительности, и американцы, очевидно, не хотели и не спешили делиться военной информацией. А это, безусловно, говорит о низком уровне двустороннего сотрудничества и недоверии США к России, что вполне объяснимо в условиях, когда российские ВКС, оказывающие поддержку режиму Б. Асада, проводят бомбардировки позиций его противников на сирийской территории.

На этом фоне весьма обнадеживающе прозвучало заявление президента России В. Путина по итогам полуторачасовой встречи с его американским коллегой Б. Обамой 4 сентября 2016 г. В. Путин прокомментировал, что они с Б. Обамой «добрались до понимания друг друга, понимания проблем, перед которыми мы стоим, но некоторые технические вещи еще нужно доработать» [Фролова, 2016]. По словам В. Путина, президент США «абсолютно искренне

стремится к достижению результатов в борьбе с терроризмом и разрешению сирийского конфликта» [Фролова, 2016]. В заключение В. Путин заявил, что «полноформатная нормализация отношений, в том числе с Соединенными Штатами, которые, безусловно, для нас являются очень важным партнером, произойдет» [там же]. Такие «теплые» высказывания в адрес американцев на высшем уровне в России не звучали уже более десятилетия, что позволяет предположить, что в ходе встречи были достигнуты конкретные договоренности, выгодные российской стороне. Последующие заявления С. Лаврова и Дж. Керри о переутверждении режима прекращения боевых действий на всей территории Сирии, в рамках которого планировалось проведение совместных российско-американских бомбардировок ИГ и «Джабхат ан-Нусры», полностью вписываются в логику ожидаемого Россией прямого военного сотрудничества.

В последнее время России удавалось успешно продвигать и отстаивать свои позиции в ходе переговоров с США. Ярким примером является включение пункта о размежевании отрядов «умеренной» оппозиции и группировок «Джабхат ан-Нусры» в изначально не предназначавшиеся для широкой публики российско-американские соглашения от 9 сентября 2016 г. Москва, в свою очередь, настоятельно призывала американскую сторону способствовать такому разграничению еще в период первоначального утверждения режима прекращения боевых действий в мае 2016 г. [Захарова, 2016б].

Россия также продвигает инициативу по расширению списка террористических организаций в Сирии, утвержденного ООН. В частности, Москва настаивает на включении в этот список группировок «Ахрар аш-Шам» и «Джейш аль-Ислам». Однако соответствующий проект резолюции Совета Безопасности ООН был заблокирован в мае 2016 г. США, Францией, Великобританией и Украиной. В настоящее время «Ахрар аш-Шам», поддерживаемая Турцией и странами Персидского залива, формально считается участником режима прекращения боевых действий, а «Джейш аль-Ислам» – член саудовской группы участников политического процесса [Russian attempt., 2016]. Однако учитывая, что террористический характер деятельности обеих группировок не отрицается американцами [Keruy, 2016а], налицо отсутствие реального контроля над оппозицией со стороны США: ведь именно эти группировки заявили об отказе участвовать в прекращении огня, объявленном 12 сентября, в то время как в соответствии с россий-

ско-американскими договоренностями от 9 сентября задача Вашингтона состояла в том, чтобы обеспечить участие в прекращении огня всех оппозиционных группировок, поддерживаемых американской стороной [Комментарий Департамента информации..., 2016б].

Во многом именно по этой причине Россия активно выступала за необходимость обнародования последних договоренностей, «чтобы устранить любые двусмысленности в восприятии международным сообществом реального положения дел с их исполнением» [О телефонном разговоре..., 2016в]. Впервые эти договора были опубликованы агентством *Associated Press* 23 сентября 2016 г., спустя две недели после их заключения. Однако 28 сентября, после вышеуказанного телефонного разговора С. Лаврова с Дж. Керри, в ходе которого была обозначена реальная угроза существованию режима прекращения боевых действий, на официальном сайте МИД РФ были опубликованы вообще все российско-американские договоренности по Сирии. Помимо документов, касающихся установления режима прекращения огня в феврале 2016 г. и его переутверждения в сентябре, на сайте МИД появились еще два ранее неизвестных документа – «Стандартные условия и процедуры, необходимые для обеспечения режима прекращения боевых действий», вступивший в силу 28 марта 2016 г., и «Подход к практическим российско-американским усилиям в борьбе с ИГ и “Джабхат ан-Нусрой” и укреплению режима прекращения боевых действий» от 15 июля 2016 г.

За судьбой российско-американских контактов по Сирии пристально следят в офисе ООН в Женеве. Несмотря на то что С. де Мистура назвал последние недели сентября 2016 г. худшими в истории шестилетнего конфликта [Mistura, 2016б], от работы и решений двух сопредседателей МГПС зависят ход и успех сирийского политического процесса. Как известно, предыдущие попытки урегулирования сирийского кризиса, инициированные ООН, провалились. В 2011 г. Россия, опасаясь повторения ливийского сценария, заблокировала резолюцию Совета Безопасности ООН по Сирии¹. В 2012 г. провалился малореалистичный на тот момент план Кофи Аннана, основным элементом которого было прекращение огня и вывод правительственных войск из городов [Мирский, 2012]. Таким образом, несмотря на то что параметры сирий-

¹ К июню 2013 г. таких заблокированных резолюций уже было три. Подробнее см.: [Tabler, 2013].

ского урегулирования были выработаны и закреплены в Женевском коммюнике еще 30 июня 2012 г., процесс сдвинулся с мертвой точки только с созданием МГПС¹. В итоге в декабре 2015 г. СБ ООН своей резолюцией признал МГПС в качестве «центральной платформы для содействия усилиям ООН по достижению прочного политического урегулирования в Сирии» [Резолюция., 2015]. Процесс межсирийских переговоров под эгидой ООН также был инициирован МГПС и стартовал в конце января 2016 г. До этого в Москве, Каире и Эр-Рияде состоялись встречи разных групп сирийской оппозиции. Декларируемой целью этих встреч было обеспечение наибольшей репрезентативности влиятельных оппозиционных кругов в ходе последующих встреч в рамках ООН. Одновременно каждый из внешних игроков пытался посредством включенности поддерживаемых им участников влиять на составление окончательного списка сирийских политических организаций, задействованных в процессе урегулирования. Россия, например, требуя «инклюзивного» характера межсирийских переговоров, критиковала ООН за отсутствие политической воли по включению в список представителей сирийских курдов [Выступление и ответы., 2016б].

По состоянию на сентябрь 2016 г., прошли три раунда межсирийских переговоров: с 29 января по 3 февраля, с 14 по 24 марта, с 13 по 27 апреля. Первый раунд был остановлен из-за эскалации насилия на территории Сирии. После перехода режима прекращения боевых действий в активную фазу удалось провести две серии встреч представителей сирийской оппозиции и официального Дамаска под эгидой ООН. Но несмотря на то что возобновить контакты планировалось не позже августа, в сентябре переговоры так и не были возобновлены из-за масштабных нарушений режима прекращения огня.

Между тем в соответствии с венским заявлением МГПС от 14 ноября 2015 г., подтвержденным резолюцией СБ ООН 2254 (2015), переход к заслуживающему доверия, инклюзивному правлению на внеконфессиональной основе, а также определение графика и процедуры разработки проекта новой конституции Сирии должны были быть осуществлены в шестимесячный срок [Заявление., 2015]. Далее, в 18-месячный срок в Сирии должны были пройти выборы. Однако все сроки были нарушены, а ситуация

¹ С. де Мистура был назначен спецпосланником по Сирии более чем за год до создания МГПС – 10 июля 2014 г.

осложнилась появлением нового активного участника конфликта – Турции, начавшей 24 августа 2016 г. наземную операцию на севере Сирии, по официальной версии, против ИГ, а по факту против курдов.

Интересно, что и США, и, главное, Россия на действия Турции отреагировали достаточно спокойно. Эксперты также не спешат с оценками турецких маневров. Открытым остается вопрос о том, каким образом эта военная операция может быть увязана с переустановленным режимом прекращения огня на всей территории Сирии. Можно предположить, что сопредседатели МГПС согласовали свои решения с остальными членами группы, в том числе с Анкарой. Тем не менее в ходе пресс-конференции С. Лаврова и Дж. Керри 10 сентября 2016 г. вопрос турецкой вовлеченности в конфликт даже не поднимался.

В этой связи возникает желание в заключение рассмотреть вопрос о реальной заинтересованности региональных держав в урегулировании сирийского кризиса. Конечно, не может быть сомнений в том, что в целом вооруженный конфликт невыгоден государствам региона: во-первых, из-за огромных потоков беженцев, захлестнувших не только соседнюю Турцию, Ливан и Иорданию, но и ЕС; во-вторых, потому что по мере развития конфликта увеличиваются террористические риски и возрастает угроза дестабилизации всего Ближнего Востока. Но, с другой стороны, международные «спонсоры» уже вложили такое количество сил и средств в эту войну, что просто отойти от избранной политической линии невозможно – это будет казаться предательством завоеванных позиций.

На фоне действий региональных акторов курс России и США по проведению планомерной работы, направленной на полное прекращение огня и переход к политическому процессу, выглядит особенно привлекательно. Вскоре после первоначального введения режима прекращения боевых действий, 14 марта 2016 г., Москва объявила о выводе «основной части» российской военной группировки с территории Сирии. Представляется, что для России февральское соглашение с Соединенными Штатами стало удобным поводом частично завершить военную операцию. США накануне смены администрации также, похоже, старались прийти к какому-либо приемлемому итогу. Однако желание Б. Обамы договориться по Сирии не стоит переоценивать: многое, как и прежде, будет зависеть от политической воли России и ее способности

оказывать влияние на Б. Асада и придерживаться достигнутых договоренностей.

В любом случае, завершая обзор российско-американских двусторонних контактов по разрешению сирийского кризиса, можно с уверенностью сказать, что, несмотря на частые нарушения режима прекращения боевых действий, ни США, ни Россия не видят альтернативы этому процессу, поскольку другого способа остановить кровопролитие в Сирии пока не смогли предложить ни вовлеченные стороны, ни внешние игроки. Хотя нельзя недооценивать известное расхождение позиций США и РФ по вопросу о дальнейшей судьбе Б. Асада, тем не менее при наличии обоюдного желания имеется потенциал для достижения компромисса. Впрочем, приведет ли довольно успешно стартовавший и затем неоднократно перезапускавшийся режим прекращения боевых действий в Сирии к концу войны и к политическим преобразованиям, покажет время. В краткосрочной перспективе подобный сценарий представить трудно.

Пока неясно, можно ли говорить о сближении позиций двух стран только в отношении сирийского урегулирования или по поводу более широкого круга вопросов двусторонней повестки дня. В условиях смены администрации в Соединенных Штатах пока сложно представить какую-либо долгосрочную программу по реанимированию российско-американского диалога. Вместе с тем России особенно важно пытаться достичь определенных договоренностей с новой американской администрацией. Хотя следующему президенту США в любом случае на внешнеполитической арене придется работать с той повесткой, которую сформировал Б. Обама, с его приходом ситуация для Москвы может коренным образом измениться – и не в лучшую сторону.

Литература

1. В Минобороны России прошел брифинг о ходе процесса примирения сторон в Сирии / Минобрны РФ. – М., 2016. – 27 февраля. – Режим доступа: <http://syria.mil.ru/news/more.htm?id=12079556@egNews> (Дата обращения: 24.11.2016.)
2. Выступление и ответы на вопросы СМИ министра иностранных дел России С.В. Лаврова в ходе совместной пресс-конференции по итогам переговоров со специальным представителем Генерального секретаря ООН по Сирии С. де Мистурой / МИД РФ. – М., 2016а. – 3 мая. – Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2262412 (Дата обращения: 24.11.2016.)

3. Выступление и ответы на вопросы СМИ министра иностранных дел России С.В. Лаврова на совместной пресс-конференции с государственным секретарем США Дж. Керри по итогам переговоров / МИД РФ. – Женева, 2016б. – 26 августа. – Режим доступа: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/international_safety/conflicts/-/asset_publisher/xIEM TQ3OvzcA/content/id/2410768 (Дата обращения: 24.11.2016.)
4. Выступление и ответы на вопросы СМИ министра иностранных дел России С.В. Лаврова на совместной пресс-конференции с государственным секретарем США Дж. Керри и специальным посланником Генерального секретаря ООН по Сирии С. де Мистурой по итогам переговоров / МИД РФ. – Женева, 2016в. – 10 сентября. – Режим доступа: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2428815 (Дата обращения: 24.11.2016.)
5. Захарова М.В. Ответ на вопрос СМИ по поводу ситуации на Севере Сирии / МИД РФ. – М., 2016 а. – 16 февраля. – Режим доступа: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2096949 (Дата обращения: 24.11.2016.)
6. Захарова М.В. Комментарий по тематике сирийского урегулирования / МИД РФ. – М., 2016б. – 10 мая. – Режим доступа: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/international_safety/conflicts/-/asset_publisher/xIEM TQ3OvzcA/content/id/2270896 (Дата обращения: 24.11.2016.)
7. Захарова М.В. Комментарий в связи со срывом сирийскими оппозиционными группировками гуманитарной операции ООН в Алеппо / МИД РФ. – М., 2016в. – 28 августа. – Режим доступа: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/international_safety/conflicts/-/asset_publisher/xIEM TQ3OvzcA/content/id/2413058 (Дата обращения: 24.11.2016.)
8. Заявление Международной группы поддержки Сирии / МИД РФ. – Вена, 2015. – 14 ноября. – Режим доступа: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/1941109 (Дата обращения: 24.11.2016.)
9. Заявление Международной группы поддержки Сирии / МИД РФ. – Мюнхен, 2016. – 12 февраля. – Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2086375 (Дата обращения: 24.11.2016.)
10. Информационный бюллетень российского Центра по примирению враждующих сторон на территории Сирийской Арабской Республики / Минобрны РФ. – М., 2016а. – 27 апреля. – Режим доступа: http://syria.mil.ru/peacemaking_bulletins/more.htm?id=12084189@egNews (Дата обращения: 24.11.2016.)
11. Информационный бюллетень российского Центра по примирению враждующих сторон на территории Сирийской Арабской Республики / Минобрны РФ. – М., 2016б. – 1 сентября. – Режим доступа: http://syria.mil.ru/peacemaking_bulletins/more.htm?id=12094581@egNews (Дата обращения: 24.11.2016.)
12. Комментарий Департамента информации и печати МИД России об итогах российско-американских консультаций по урегулированию в Сирии / МИД РФ. – М., 2016а. – 12 сентября. – Режим доступа: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/international_safety/conflicts/-/asset_publisher/xIEM TQ3OvzcA/content/id/2433311 (Дата обращения: 24.11.2016.)

13. Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с отказом ряда вооруженных оппозиционных группировок в Сирии выполнять положения российско-американских договоренностей от 9 сентября 2016 г. / МИД РФ. – М., 2016б. – 13 сентября. – Режим доступа: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/international_safety/conflicts/-/asset_publisher/xIEMTQ3OvzcA/content/id/2437594 (Дата обращения: 24.11.2016.)
14. Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с ракетно-бомбовым ударом международной антиигиловской коалиции под руководством США по позициям сирийских правительственных войск в районе г. Дейр эз-Зор / МИД РФ. – М., 2016в. – 18 сентября. – Режим доступа: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/international_safety/conflicts/-/asset_publisher/xIEMTQ3OvzcA/content/id/2444527 (Дата обращения: 24.11.2016.)
15. Лавров С.В. Интервью для программы «Поздняков» на телеканале НТВ, Москва / МИД РФ. – М., 2016. – 26 сентября. – Режим доступа: http://www.mid.ru/web/guest/meropriyatiya_s_uchastiem_ministra/-/asset_publisher/xK1BhV2bUjd3/content/id/2470301 (Дата обращения: 24.11.2016.)
16. Мирский Г.И. Обама и оружие для сирийских повстанцев // Эхо Москвы. – М., 2013. – 14 июня. – Режим доступа http://echo.msk.ru/blog/georgy_mirsky/1095270-echo/ (Дата обращения: 24.11.2016.)
17. Мирский Г.И. Три сценария для Сирии // Эхо Москвы. – М., 2012. – 6 июня. – Режим доступа http://echo.msk.ru/blog/georgy_mirsky/896453echo/ (Дата обращения: 24.11.2016.)
18. О встрече министра иностранных дел России С.В. Лаврова с госсекретарем США Дж. Керри / МИД РФ. – М., 2016. – 14 февраля. – Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2086930 (Дата обращения: 24.11.2016.)
19. О телефонном разговоре министра иностранных дел России С.В. Лаврова с госсекретарем США Дж. Керри / МИД РФ. – М., 2016а. – 20 февраля. – Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2105483 (Дата обращения: 24.11.2016.)
20. О телефонном разговоре министра иностранных дел России С.В. Лаврова с госсекретарем США Дж. Керри / МИД РФ. – М., 2016б. – 21 февраля. – Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2105601 (Дата обращения: 24.11.2016.)
21. О телефонном разговоре министра иностранных дел России С.В. Лаврова с госсекретарем США Дж. Керри / МИД РФ. – М., 2016в. – 17 сентября. – Режим доступа: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2444361 (Дата обращения: 24.11.2016.)
22. Резолюция 2254 (2015), принятая Советом Безопасности на его 7588-м заседании 18 декабря 2015 г. / ООН. Совет Безопасности. – Нью-Йорк, 2015. – S/RES/2254 (2015). – 5 с. – Режим доступа: [http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/RES/2254\(2015\)&referer=/english/&Lang=R](http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/RES/2254(2015)&referer=/english/&Lang=R) (Дата обращения: 24.11.2016.)
23. Фролова М. Путин и Обама пришли к пониманию друг друга на полуторачасовой встрече в Ханчжоу // Блокнот. – М., 2016. – 5 сентября. – Режим доступа: <http://bloknot.ru/obshhestvo/putin-i-obama-prishli-k-ponimaniyu-drug-druga-na>

- polutorachasovoj-vstreche-v-hanchzhou-484267.html (Дата обращения: 24.11.2016.)
24. Joint statement on Syria by the Foreign Ministers of France, Italy, Germany, the United Kingdom, the United States, and the High Representative of the European Union / US Department of State. – Wash., 2016. – 24 September. – Mode of access: <http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2016/09/262382.htm> (Дата обращения: 24.11.2016.)
 25. Kerry J. Remarks at the Aspen Ideas Festival and Conversation with Walter Isaacson / US Department of State. – Aspen, CO, 2016a. – 28 June. – Mode of access: <http://www.state.gov/secretary/remarks/2016/06/259165.htm> (Дата обращения: 02.09.2016.)
 26. Kerry J. Joint press availability with Russian Foreign Minister Sergey Lavrov / US Department of State. – M., 2016b. – 15 July. – Mode of access: <http://www.state.gov/secretary/remarks/2016/07/260134.htm> (Дата обращения: 24.11.2016.)
 27. Kerry J. Remarks with Russian Foreign Minister Sergey Lavrov at a press availability / US Department of State. – Geneva, 2016c. – 26 August. – Mode of access: <http://www.state.gov/secretary/remarks/2016/08/261303.htm> (Дата обращения: 24.11.2016.)
 28. Kerry J. Remarks with Russian Foreign Minister Sergey Lavrov and UN Special Envoy Staffan de Mistura at a press availability / US Department of State. – Geneva, 2016d. – 9 September. – Mode of access: <http://www.state.gov/secretary/remarks/2016/09/261722.htm> (Дата обращения: 24.11.2016.)
 29. Kirby J. Airstrikes in Northern Syria: Press statement / US Department of State. – Wash., 2016. – 15 February. – Mode of access: <http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2016/02/252503.htm> (Дата обращения: 24.11.2016.)
 30. Mistura S. Transcript of press remarks / UN. – Geneva, 2016a. – 27 April. – Mode of access: [http://www.unog.ch/unog/website/news_media.nsf/\(httpPages\)/000D36A774282696C1257FA3002BA4E4?OpenDocument](http://www.unog.ch/unog/website/news_media.nsf/(httpPages)/000D36A774282696C1257FA3002BA4E4?OpenDocument) (Дата обращения: 24.11.2016.)
 31. Mistura S. Briefing to the Security Council on Syria (25 September 2016) / UN. – N.Y., 2016b. – 25 September. – Mode of access: [http://www.unog.ch/80256EDD006B9C2E/\(httpNewsByYear_en\)/1855175EF35E4B31C125803A0031C370?OpenDocument](http://www.unog.ch/80256EDD006B9C2E/(httpNewsByYear_en)/1855175EF35E4B31C125803A0031C370?OpenDocument) (Дата обращения: 24.11.2016.)
 32. Mistura S. Transcript of stakeout / UN. – N.Y., 2016c. – 25 September. – Mode of access: [http://www.unog.ch/unog/website/news_media.nsf/\(httpNewsByYear_en\)/604700A846CE3BE2C125803A003167E2?OpenDocument](http://www.unog.ch/unog/website/news_media.nsf/(httpNewsByYear_en)/604700A846CE3BE2C125803A003167E2?OpenDocument) (Дата обращения: 24.11.2016.)
 33. Obama B. Remarks on progress against ISIL / The White House. – Wash., 2016. – 25 February. – Mode of access: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2016/02/25/remarks-president-progress-against-isil> (Дата обращения: 24.11.2016.)
 34. Russian attempt to blacklist Syria's Islamist rebels blocked // The New Arab. – L., 2016. – 11 May. – Mode of access: <https://www.alaraby.co.uk/english/news/2016/5/11/russian-attempt-to-blacklist-syrias-islamist-rebels-blocked> (Дата обращения: 24.11.2016.)
 35. Secretary Kerry's call with Russian Foreign Minister Lavrov / US Department of State. – Wash., 2016a. – 20 February. – Mode of access: <http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2016/02/253094.htm> (Дата обращения: 24.11.2016.)

36. Secretary Kerry's call with Russian Foreign Minister Lavrov / US Department of State. – Wash., 2016b. – 28 September. – Mode of access: <http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2016/09/262532.htm> (Дата обращения: 24.11.2016.)
37. Tabler A.J. Syria's collapse and how Washington can stop it / Foreign affairs. – N.Y., 2013. – July-August. – Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/articles/syria/2013-06-11/syrias-collapse> (Дата обращения: 24.11.2016.)

*«Проблемы европейской безопасности:
Сб. науч. тр. / РАН ИНИОН»,
М., 2017 г., вып. 2, с. 124–144.*

Е. Васецова,

кандидат политических наук,
доцент кафедры политологии Востока
ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова

ЛИВИЯ: ПЯТЬ ЛЕТ БЕЗ КАДДАФИ*

Аннотация: В статье рассматриваются основные тенденции и перспективы развития ситуации в Ливии после свержения М. Каддафи. Анализируются позиции противоборствующих сторон, а также роль внешнего фактора в происходящих событиях.

Ключевые слова: Ливия, Россия, США, исламизм, терроризм.

20 октября 2011 г. вошло в историю как дата жестокого убийства лидера Ливийской Джамахирии полковника М. Каддафи. Данное событие стало переломным, решающим для начала новой, чрезвычайно нестабильной в политическом плане эпохи и коренным образом изменило жизнь страны. Вмешательство стран Запада, и прежде всего США, во многом спровоцировало развитие событий по самому драматичному и кровопролитному сценарию, накалив имеющиеся противоречия до такой степени, что до сих пор неизвестно, как распутывать клубки многочисленных конфликтов. Президент России В.В. Путин в 2015 г., комментируя последствия так называемой «арабской весны» и вмешательство во внутренние дела суверенных государств, с трибуны ООН дал верную оценку сложившейся ситуации: «Агрессивное внешнее вмешательство привело к тому, что вместо реформ государственные

* Статья выполнена в рамках гранта 15-07-00001 «Международные отношения в контексте глобальных процессов и проблем безопасности и противодействия терроризму».

институты, да и сам уклад жизни были просто бесцеремонно разрушены. Вместо торжества демократии и прогресса – насилие, нищета, социальная катастрофа, а права человека, включая и право на жизнь, ни во что не ставятся»¹.

После гибели М. Каддафи страна стремительно погрузилась в структурный кризис, переросший в вооруженный конфликт, решить который до сих пор не представляется возможным. Фактически государство распадается в ходе противостояния различных вооруженных группировок. Этнические и племенные конфликты еще больше осложняют ситуацию. В Ливии сложились все условия для того, чтобы туда хлынул поток исламистов-радикалов всех мастей: легкий доступ к разного рода вооружению, которое можно было получить при разграблении складов и боевых баз, слабость регулярной армии, сепаратистские настроения, бездействие власти, легитимность которой вызывает большие сомнения у значительной части населения, отсутствие гарантий безопасности людей.

Ливия представляет большой интерес для исламистских террористических группировок еще и в силу своего геостратегического положения между Магрибом и Ближним Востоком, Средиземным морем и Сахелем. Страна является очень удобным плацдармом для размещения тренировочных лагерей радикалов, которые затем едут воевать в Сирию. Слабость государственной власти, неспособной держать границы под контролем, ведет к усилению нелегальной миграции через Ливию. Вооруженные группировки, действующие на границах страны, наладили контрабанду людей, которая является источником финансирования радикальных организаций наряду с контрабандой оружия и наркотиков.

Пока что страны Евросоюза напрямую не затронула деятельность ливийских радикалов, целью которых является создание опорных баз, а не нанесение ударов по западным государствам. Тем не менее нет никакой гарантии, что исламистские группировки Ливии в дальнейшем не будут планировать террористические акты на территории европейских государств, и, очевидно, что в силу географической близости наиболее вероятными мишенями террористов станут Италия и Франция. В качестве сценариев возможных терактов можно назвать захват самолета, террористиче-

¹ Путин: вы хоть понимаете теперь, чего вы натворили? 28.09.2015 г. // Вести.ру [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2669282>

скую атаку на атомной электростанции, перерабатывающем заводе или в густонаселенном городе. Особые опасения вызывает возможное использование террористами в своих целях переносных зенитных ракетных комплексов (ПЗРК), которые представляют собой портативные ракеты «земля–воздух», легко помещаются в багажнике автомобиля, и могут быть приведены в действие одним человеком. В 2011 г. из арсеналов Каддафи бесследно исчезло около полусотни ПЗРК¹. И в чьих руках они оказались, до сих пор неизвестно.

За власть в Ливии после расправы над М. Каддафи боролись несколько сторон. Министерство иностранных дел Российской Федерации констатировало, что политический процесс создания в Ливии демократического государства окончательно зашел в тупик: «Ситуация в Ливии развивается от плохого к худшему. На фоне эскалации масштабных боестолкновений на востоке и западе страны, прежде всего в Бенгази и Триполи, разрушается вся система государственной власти, созданная в “постреволюционный” период»². Летом 2014 г. произошло резкое обострение обстановки, и в стране установилось двоевластие. На международном уровне был признан парламент – «Палата представителей Ливии», также известный как «правительство в Тобруке». В Тобрук, расположенный на северо-востоке страны, парламент был вытеснен после захвата противниками столицы Ливии Триполи в августе 2014 г. Правительство в Тобруке пользовалось поддержкой ОАЭ и Египта³. Данную структуру поддерживала регулярная армия, которую возглавляет фельдмаршал Х. Хафтар. 2 марта 2015 г. Палата депутатов назначила Хафтара главнокомандующим Вооруженными силами страны⁴, что вызвало резкое неприятие у правительства в Триполи, расценившего данное назначение как очередной виток

¹ Ливия – угроза для Европы. Интервью с Фабрисом Баланшем (Fabrice Balanche) – преподавателем Университета Лион-2, специалистом по Средиземноморью и Ближнему Востоку. 20.01.2015 г. // Иносми.ру [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://inosmi.ru/world/20150120/225686637.html>

² МИД РФ: Хаос в Ливии стал прямым следствием безответственного вмешательства США и НАТО. 25.08.2014 г. // ТАСС.ру [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://tass.ru/politika/1399263>

³ War in Libya – the Guardian briefing. 29.08.2014 // <https://www.theguardian.com/world/2014/aug/29/sp-briefing-war-in-libya>

⁴ Libya names anti-islamist General Haftar as army chief. 02.03.2015 // <http://www.bbc.com/news/world-africa-31698755>

борьбы за власть и назвавшего Хафтара «военным преступником»¹.

Парламенту Ливии противостоял Новый Всеобщий национальный конгресс, законодательный орган, созданный политиками из исламистских партий, проигравших на выборах 2014 г., и заменивший первый Всеобщий национальный конгресс. После поражения на выборах 2014 г. исламистские партии, руководящие отрядами боевиков, захватили Триполи. В данном органе власти большинство занимали представители признанной террористической многими странами мира организации «Братья-мусульмане», «Партии справедливости и развития», блока «Верность мученика», куда вошли мелкие исламистские группировки. По имеющейся информации, союзниками Нового Всеобщего национального конгресса были Турция и Катар².

В 2014–2015 гг. продолжалось острое противостояние двух параллельно действующих органов власти, каждый из которых заявлял о своей легитимности. Существенные договоренности в межливийском диалоге были достигнуты летом 2015 г., когда представители международно признанного временного правительства в Тобруке, лидеры региональных муниципалитетов, крупных политических партий и организаций гражданского общества подписали документ, известный как Схиратское соглашение. Однако на тот момент делегаты исламистского Всеобщего национального конгресса Ливии, заседавшие в Триполи, отказались от участия в переговорах и соглашение подписывать не стали. Согласно плану, прописанному в соглашении, в Ливии должно было быть сформировано правительство национального единства сроком на год, которое возглавит премьер-министр и два его заместителя. Функции законодательного органа будет исполнять Палата представителей³.

Немного позже к межливийскому диалогу, который происходил на территории нейтральной страны – Марокко, присоединился и исламистский Новый Всеобщий национальный конгресс.

¹ Libya's Haftar appointed army chief for recognized government. 02.03.2015 // <http://www.reuters.com/article/us-libya-security-army-idUSKBN0LY1AB20150302>

² War in Libya – the Guardian briefing. 29.08.2014 // <https://www.theguardian.com/world/2014/aug/29/-sp-briefing-war-in-libya>

³ СМИ: Стороны конфликта в Ливии достигли соглашения, документ будет подписан в течение дня. 18.09.2015 // ТАСС.ру [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2273925>

Таким образом, в переговорах участвовали все основные общественно-политические силы Ливии. Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун приветствовал согласование участниками переговоров окончательного проекта политического соглашения, а также списка кандидатов на включение в правительство, включая его главу¹. По данным ООН, от вооруженного конфликта и нестабильности пострадала почти половина населения Ливии – свыше 3 млн человек, из которых около 2,44 млн нуждаются в защите и гуманитарной помощи. Кризис затронул как вынужденно перемещенных лиц, так и жителей городов, ставших полем боевых действий между различными группировками. С лета 2014 г. около 435 тыс. человек были вынуждены покинуть свои дома, примерно 100 тыс. ливийцев живут в палатках под открытым небом или ютятся в заброшенных зданиях, например в школах, ангарах или на складах².

9 октября 2015 г. было объявлено о создании правительства национального согласия Ливии, премьер-министром которого стал Фаиз Сарадж. Результатом Схиратского соглашения стал новый орган власти – Президентский совет Ливии, созданный в марте 2016 г. при поддержке Совета Безопасности ООН. Президентский совет выступает в качестве главы государства Ливии и сформировал правительство национального единства, заменив Новый Всеобщий национальный конгресс. Главой Президентского совета Ливии стали премьер-министр Ф. Сарадж, а также три вице-председателя, представляющие исторически сложившиеся регионы Ливии. Несмотря на положительную динамику в налаживании взаимодействия между враждующими политическими силами, противостояние между центрами власти продолжается. Правительство национального согласия контролирует незначительную по размерам территорию страны. Ливийская национальная армия (ЛНА) не подчиняется правительству в столице Триполи, а ее командующий Х. Хафтар является союзником парламента, заседающего на востоке страны³.

¹ Главой правительства Ливии стал Фаиз Сарадж, назначены трое вице-премьеров. 09.10.2015 г. // ТАСС.ру [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2331479>

² Там же.

³ Ливия оценила успех России в сирийской войне. 07.12.2016 г. // Утро.ру [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://utro.ru/articles/2016/12/07/1307955.shtml>

Вакуум власти, образовавшийся за время двоевластия и попыток противоборствующих политических сторон прийти к соглашению, использовала радикальная исламистская группировка, так называемая «ИГ»¹, признанная террористической многими странами мира. Она провозгласила создание «Исламского государства в провинции Триполи» и начала активные действия в Ливии с 2014 г. Успехи в борьбе с «ИГ» в Сирии и в противодействии исламистам-радикалам в Ираке привели к тому, что «ИГ» все энергичнее действует в Ливии, создавая там для себя плацдарм. У «ИГ» есть ячейки по всей стране.

С мая 2015 г. «ИГ» захватило родину Каддафи – город Сирт с прилегающими окрестностями. С июня из Сирта начала вещать официальная интернет-радиостанция «ИГ» «Аль-Байан». Данная территория имеет крайне важное значение из-за наличия морского и воздушного портов и близости к месторождениям нефти, на доходы от продажи которой рассчитывают террористы. Важно и то, что Сирт находится на пересечении основных коммуникаций. Контролируя нефтяные терминалы, к которым выходят нефтепроводы из пустыни, морской порт, город, а также участок морского побережья протяженностью от 200 до 250 км, «игиловцы» обеспечивают себе безбедную жизнь за счет контрабандной торговли нефтью, поборов с местного населения, незаконной переправки в Европу беженцев. Морским путем в Ливию и из Ливии доставлялись также боевики «игиловцы» и крупные партии оружия. В связи с ощутимыми потерями, которые несут террористы на территории, главным образом, Сирии после начала действий группировки ВКС РФ, Сирт стал для них местом, куда можно было эвакуироваться и передохнуть. С падением Сирта возможности террористов существенно сужаются².

Шеф ливийской разведки И. Шукри сообщил представителю СМИ, что «большинство боевиков в Сирте – иностранцы. Их там примерно 70%. В основном это тунисцы. Много также египтян

¹ Подробнее об «ИГ» и ситуации в Сирии см.: Васецова Е.С. «Исламское государство» как шаг на пути к конфликту цивилизаций? // Век глобализации: Исследование современных глобальных процессов. – М., 2016. – № 1–2. – С. 96–101; Васецова Е.С. Исламистские группировки в Сирии // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). № 4 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.evestnik-mgou.ru/ru/Articles/Doc/765>

² Мустафин Р. Ливия вновь становится горячей точкой // Независимое военное обозрение. 2016. 23 сентября [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://nvo.ng.ru/realty/2016-09-23/11_livia.html

и суданцев. Можно встретить приезжих из Алжира. Но основной костяк составляют закаленные в боях сирийцы и иракцы, которые ранее служили в армии Саддама Хусейна¹. Относительно точного количества боевиков «ИГ» на территории Ливии мнения расходятся. Чаще всего сходятся на цифре 2–3 тыс. человек, что вполне достаточно для проведения серьезных боевых операций.

«ИГ» взяло на себя ответственность за осуществление множества терактов в Ливии. Среди самых громких назовем тройной теракт 21 февраля 2015 г. (количество погибших – 47 человек), теракт 7 января 2016 г. (в результате погибло более 70 человек).

Помимо «ИГ», на территории Ливии действует множество различных радикальных исламистских группировок. Одна из самых известных – тесно связанная с «Аль-Каидой», действующая преимущественно на востоке страны «Ансар аш-Шариа». Основавший ее в Бенгази в мае 2012 г. бывший музыкант аз-Захауи сидел в тюрьме во времена лидера Джамахирии, воевал на стороне каидовцев в Афганистане и принял активное участие в восстании против полковника². Экстремистская структура распространила влияние и на другие регионы, в том числе Дерну и Адждабию на востоке, вотчину Каддафи – Сирт в центре страны, а также Сабрату – на западе. Целью «Ансар аш-Шариа» является создание «Исламского эмирата», выходящего за границы Ливии в сторону Египта, Алжира и Туниса. Ее сторонники позиционируют себя в качестве «защитников мусульман», не признавая «демократии, светских режимов и конституций», активно координируя свои действия с местными «Братьями-мусульманами»³.

США считают «Ансар аш-Шариа» ответственной за совершение нападения на свое диппредставительство в Бенгази 11 сентября 2012 г., в результате которого погибли посол США в Ливии К. Стивенс и еще трое американцев. Вашингтон внес группировку в списки террористических организаций, хотя ее члены отвергают все обвинения в свой адрес.

Другая структура «Аль-Каиды» – «Совет муджахеддинов шуры Дерны», созданный в декабре 2014 г. У группировки сложи-

¹ Мануков С. США срочно переводят ИГИЛ в Ливию. 07.04.2016 // <http://xn---8sbeyxgbych3e.ru-an.info>

² СМИ: Ливийская группировка «Ансар аш-Шариа» подтвердила гибель своего главаря. 25.01.2015 г. // ТАСС.ру [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1720009>

³ Там же.

лись конфликтные отношения с «ИГ», боевики которого убили одного из лидеров «Совета шуры моджахедов Дерны» Насера аль-Акра вместе с его помощником. После данного инцидента между группировками начались боестолкновения, разгоревшиеся летом 2015 г. «Совету шуры моджахедов Дерны» удалось вытеснить большинство отрядов боевиков «ИГ» из города Дерны в июле 2015 г.

Коалиция различных исламистских вооруженных группировок, также не желающая примыкать к «ИГ» – «Революционный совет шуры Бенгази», куда входят «Ансар аш-Шариа», «Бригада 17 февраля», «Бригада Рафалла аль-Сахати». Оплот организации – восточные кварталы Бенгази.

Впрочем, не все исламистские группировки борются с «ИГ». Так, «Революционный совет шуры Адждабии», расположенный в Адждабие, портовом городе к западу от Бенгази, присягнул на верность главарю «ИГ» аль-Багдади.

Осознавая необходимость стабилизации ситуации в стране, Х. Хафтар начал в мае 2014 г. операцию «Достоинство Ливии», цель которой – разгромить исламистов-радикалов. Цель операции не была достигнута, и в мае 2016 г. глава правительства национального согласия Ф. Сарадж заявил о начале борьбы за освобождение Сирта от боевиков. Примерно через месяц вооруженные отряды из Мисураты, Триполи, Гаряна, Зувары, Завии подошли к Сирту и сумели освободить от террористов морской порт, аэропорт, базу ВВС к югу от города, разрушить завод по производству взрывчатки. Однако дальнейшее продвижение к центру Сирта застопорилось в связи с резко возросшим сопротивлением боевиков «ИГ», занявших позиции в густонаселенных центральных кварталах города. По различным оценкам, в Сирте террористы сосредоточили для обороны города от 3 до 6 тыс. боевиков¹. Будучи не в состоянии переломить ситуацию самостоятельно, правительство национального согласия обратилось за помощью к США и их союзникам. По словам представителя правительственных отрядов М. Гасри, пойти на такой шаг заставили тяжелые потери, которые понесли наступающие: более 300 убитых и около 1,5 тыс. ранеными. Слабость правительственных войск объясняется еще и эмбарго на поставки оружия в Ливию, действующим с 2011 г.²

¹ Мустафин Р. Указ. соч.

² Там же.

Далеко не все политические силы Ливии считают верным решение воспользоваться помощью США для борьбы с «ИГ». Командующий ЛНА фельдмаршал Х. Хафтар выступает категорически против американского военного вмешательства, расценивая его как нарушение суверенитета страны. Он решил сосредоточиться на проведении силовых операций по борьбе с радикальными исламистскими группировками западной части страны. Прежде всего речь идет об уничтожении «Бригады защитников Бенгази», созданной летом 2016 г. как один из филиалов «Аль-Каиды» и входящей в исламистский «Революционный совет Бенгази». 25 декабря 2016 г. самолет ВВС ЛНА впервые нанес удар в центральной части Ливии по позициям боевиков «Бригады защиты Бенгази» в районе авиабазы Джуфра у селений Аль-Джуфра и Хун. В результате авиаудара уничтожена техника и склады боевиков, данных о погибших и пострадавших нет¹.

Если правительство национального согласия ориентируется в своей деятельности на США и их союзников, то Х. Хафтар сделал свой выбор в пользу России. В ноябре 2016 г. военачальник совершил поездку в Москву, где его приняли в МИДе, Минобороны и Совете Безопасности. Стороны обсудили возможность более активного участия России в борьбе с «ИГ» в Ливии и новые поставки вооружений. Целью фельдмаршала было уговорить российскую сторону расширить фронт борьбы с «ИГ» за счет ликвидации ячеек «игиловцев» в Ливии, куда бегут боевики из Сирии и Ирака для отдыха, лечения и обучения.

Х. Хафтар высказал предложение создать в Ливии военноморскую и военно-воздушную базы в случае успешного сотрудничества. Данная база, в случае ее создания, стала бы для России второй после Хмеймим в Сирии на побережье Средиземного моря и первой в Северной Африке. Каким образом отреагировала Москва на данное предложение, неизвестно.

Встречаются противоречивые сообщения о том, что фельдмаршал предложил пересмотреть некоторые контракты поставок вооружений. Дело в том, что из-за действия оружейного эмбарго в отношении режима Каддафи Москва не поставила в Ливию 12 многоцелевых истребителей Су-35, 48 танков Т-90С, некоторое количество зенитно-ракетных комплексов С-125 «Печора», «Тор-М2Э» и С-300ПМУ-2 «Фаворит», как минимум одну дизель-

¹ В Ливии разгорается очередной виток гражданской войны. 28.12.2016 // <http://xn-8sbeybxdibygm.ru-an.info>

электрическую подводную лодку проекта 636 «Варшавянка», большое количество легкого и стрелкового оружия, крупную партию морских мин. Речь идет о поставках на общую сумму в 2 млрд долл.¹ В то время как одни источники утверждают, что Х. Хафтар выразил готовность пересмотреть контракты поставок вооружений², другие говорят о том, что данный вопрос не обсуждался, так как Россия придерживается оружейного эмбарго ООН в отношении Ливии³. Российская Федерация поддерживает связи со всеми сторонами в Ливии, в том числе с главой правительства национального согласия Ф. ас-Сарражем и его вице-премьером А. Майтигом. Так, вице-премьер правительства национального согласия А. Майтиг заявил в интервью агентству «Sputnik», что «Президентский совет приветствует любую российскую инициативу для национального примирения в Ливии, поскольку Россия обладает взвешенными позициями и хорошими отношениями со всеми сторонами»⁴.

США согласились на оказание прямой военной помощи по освобождению Сирта. Впрочем, отметим, что США и союзники на протяжении всего конфликта в Ливии использовали своих военных в различных операциях без согласия на то ливийской стороны, открыто не афишируя свои действия.

С 1 августа 2016 г. боевая авиация США с итальянских аэродромов наносит ограниченные по масштабам удары по отрядам и базам «ИГ» в Ливии. Также с «игиловцами» борется французский спецназ. Таким образом, Ливия стала очередной страной после Афганистана, Пакистана, Ирака и Сирии, где США и их союзники стали применять силу против террористов. Ливийские войска при поддержке союзников смогли сломить сопротивление противника в сентябре 2016 г. В начале декабря было объявлено о полном освобождении Сирта от боевиков «ИГ».

Что же ждет Ливию далее? Освобождение Сирта от боевиков «ИГ» не станет началом объединения страны. Уровень де-

¹ Ливия оценила успех России в сирийской войне. 07.12.2016 // Утро.ру [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://utro.ru/articles/2016/12/07/1307955.shtml>

² Там же.

³ Замглавы МИД России: Генерал Хафтар должен участвовать в управлении Ливией. 27.12.2016 // <https://ria.ru/world/20161227/1484675130.html>

⁴ В Ливии готовы поддержать инициативы России по налаживанию политического диалога в стране. 04.01.2017 // <https://russian.rt.com/world/news/347456-liviyapodderzhatdiplomatiya-rossiya>

централизации слишком высок, государство по-прежнему продолжают раздирать конфликты, а политический, экономический и культурный регресс стремительно набирает обороты. Харизматичного лидера, способного объединить более 100 различных племен и их союзы, на сегодняшний день нет. Очевидно, что страна сейчас переживает один из самых тяжелых моментов своей истории, и путь к ее возрождению будет долгим и нелегким. В ближайшем будущем ее ожидает либо раскол на несколько государственных образований (и тогда, наиболее вероятно, США и их союзники поставят у власти своих ставленников, получив контроль над нефтегазовыми ресурсами), либо годы кровавой междоусобицы, переворотов и контрпереворотов, борьбы за власть с постепенной консолидацией менее сильных племен вокруг более мощных и влиятельных. Возможно, что со временем появится новый лидер, который сплотит вокруг себя союзы племен, и тогда будет создан новый ливийский проект.

Литература

1. Васецова Е.С. «Исламское государство» как шаг на пути к конфликту цивилизаций? // Век глобализации: Исследование современных глобальных процессов. – М., 2016. – № 1–2. – С. 96–101.
2. Васецова Е.С. Исламистские группировки в Сирии // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). № 4 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.evstnik-mgou.ru/ru/Articles/Doc/765>
3. В Ливии готовы поддержать инициативы России по налаживанию политического диалога в стране. 04.01.2017 // <https://russian.rt.com/world/news/347456-liviya-podderzhat-diplomatiya-rossiya>
4. Замглавы МИД России: Генерал Хафтар должен участвовать в управлении Ливией. 27.12.2016 // <https://ria.ru/world/20161227/1484675130.html>
5. Ливия оценила успех России в сирийской войне. 07.12.2016 г. // Утро.ру [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://utro.ru/articles/2016/12/07/1307955.shtml>
6. МИД РФ: Хаос в Ливии стал прямым следствием безответственного вмешательства США и НАТО. 25.08.2014 г. // ТАСС.ру [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://tass.ru/politika/1399263>
7. Путин: Вы хоть понимаете теперь, чего вы натворили? 28.09.2015 г. // Вести.ру [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2669282>

*«Вестник Российской нации»,
М., 2017 г., № 2, с. 233–244.*

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Т. Игнатова,

доктор экономических наук, профессор,
зав. кафедрой экономики, теории
и предпринимательства
(Южно-российский институт управления,
ФГБУ ВО «Российская академия
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»)

А. Добаев,

кандидат экономических наук,
эксперт Центра региональных исследований,
Институт социологии и регионоведения
(ФГАУ ВО «Южный федеральный университет»)
г. Ростов-на-Дону

ИСЛАМСКАЯ ЭКОНОМИКА И ЭВОЛЮЦИЯ СИСТЕМЫ «ХАВАЛА»

Аннотация. В настоящей статье авторами на основании изученных произведений зарубежных и российских исследователей отражаются морально-нравственные ценности источников мусульманства, постулаты понимания бытия, определившие центральные категории исламской экономики, которые оказали влияние на становление современной исламской экономической доктрины и модели, способствовали формированию и эволюции системы «хавала», а также предопределившие векторы ее развития.

Ключевые слова: исламская экономика, закят, риба, гарар, мейсир, мушарака, системы переводов денег или ценностей, система «хавала».

Ислам диктует примат нравственных ценностей над экономическими. В частности, Коран, Сунна, иджма (согласие, единодушное мнение или решение авторитетных лиц по обсуждаемому

вопросу, один из источников мусульманского права), мазхабы (школа шариатского права в исламе), кийас (суждение по аналогии, один из источников мусульманского права), урф (местный обычай, не противоречащий исламу), фикх (мусульманская доктрина о правилах поведения (юриспруденция), комплекс общественных норм (мусульманское право в широком смысле)), примеры делового поведения Пророка, труды известных богословов, правоведов, философов образуют свод морально-нравственных законов, регулирующих поведение правоверных мусульман во всех сферах общественной жизни.

Экономики в государствах, где официальной религией является ислам, впитали в себя моральные и нравственные ценности из вышеуказанных источников мусульманства, что прежде всего касается осмысления важных нравственно-экономических категорий, таких как:

- благотворительность (например, «вакф» (имущество, переданное государством или отдельным лицом на религиозные или благотворительные цели));

- объективность и добропорядочность (например, «халал» (дозволенные поступки по шариату));

- строгие запреты (например, «харам» (в шариате – запретные действия));

- порядочность и честность (например, «зулм» (жестокость, неправомерная эксплуатация)).

Необходимо сразу отметить, что вышеприведенные источники мусульманства и фигурирующие в них категории формируют основополагающие постулаты понимания бытия в исламской экономике, к которым можно отнести следующее:

- единственным подлинным собственником всего является Аллах;

- человек и мусульманская умма выступают в качестве уполномоченных Аллаха, фактически его наместников на Земле;

- созидательный труд – одобряется, при одновременном запрете ростовщичества, накопительства, несправедливого распределения материальных ресурсов между мусульманами;

- подчиненность интересов индивида обществу (мусульманской умме).

Исламская экономика, по мнению разработчиков идеи, направлена на обеспечение основных потребностей человека при использовании гармонических средств, тогда как традиционная экономика ориентируется в своей основе на материальное начало,

в какой-то мере пренебрегая моральными законами и запретами. Исламская экономика строится на признании частной собственности, как ее трактует шариат. В равной степени она направлена на распространение представлений социальной солидарности путем обеспечения условий для единения и сотрудничества между капиталом и трудом при полном отрицании монополизма, а также на достижение социальной справедливости за счет обоснованной оплаты труда и искоренения безработицы. Исходя из этого, исламская экономика преуспевает в разрешении самых сложных задач современности, в установлении равновесия между потребностями индивида и прогрессом общества¹.

Основоположниками исследований исламской экономики выступают:

– Абу Юсуф Якуб ибн Ибрахим ибн Хабиб ал-Ансари ал-Куфи, или Абу Юсуф (731–798), видный исламский законовед (факих), один из наиболее известных учеников Абу Ханифы. После смерти Абу Ханифы Абу Юсуф возглавил школу первого. Будучи верховным судьей (кади ал-кудат) халифата, способствовал широкому распространению взглядов ханафитского мазхаба (правовой школы);

– Абу Мухаммад Али ибн Ахмад ибн Хазм ал-Андалуси, или Ибн Хазм (994–1064), андалусский теолог, полемист и факих, представитель захиритского мазхаба, поэт и историк;

– Абу Хамид Мухаммад ибн Мухаммад ал-Газали ат-Туси (1058–1111), исламский богослов, правовед, философ и мистик, один из наиболее авторитетных учителей, входящих в число основателей суфизма. Автор около 70 научных произведений по богословским наукам, философии и суфизму;

– Абу Аббас Таки ад-дин Ахмад ибн Абд ас-Салам ибн Абдулла ибн Таймийа ал-Харрани (1263–1328), исламский правовед ханбалитского мазхаба, теолог, критик нововведений в религии;

– Шамсуддин Абу Абдулла Мухаммад ибн Абу Бакр ибн Айуб ибн Саад ибн Хариз ибн Макки Зайнуддин, или Ибн Кайим Джаузийа (1292–1350), мусульманский богослов, видный представитель ханбалитской правовой школы мусульманского права;

¹ Евдокимов В.В., Грицишен Д.А. Исламская экономическая доктрина как среда формирования и развития исламской модели бухгалтерского учета // Международный бухгалтерский учет. 2012. № 29. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.fin-izdat.ru/journal/interbuh/detail.php?ID=52161> (Дата обращения: 24.09.2016.)

– Абу Зейд Абд ар-Рахман ибн Мухаммад ибн Халдун ал-Хадрами ал-Ашбили, более известный как Ибн Халдун (1332–1406), арабский философ, экономист, историк, социальный мыслитель. Автор целого ряда произведений, самым видным из которых является *Китаб ал-ибар ва диван ал-мубтада ва ал-кхабар фи айям ал-араб ва ал-аджам ва ал-барбар ва ман асарахум мин зауи ас-султан ал-акбар* («Большая история»);

– Джамал ад-дин ал-Афгани (1838–1897), мусульманский реформатор, идеолог панисламизма в произведениях, посвященных роли афганцев в Египте: «*Tatimmat al-bayan fi tarikh al-Afghan*» (1901), а также о национализме и материализме «*Ressalah e Natscheria*»;

– Мирза Башир ад-дин Махмуд Ахмад (1889–1965), мусульманский общественный деятель, наиболее известными произведениями являются: «*Nizame Nau*» («Новый порядок») (1942), «*Islam ka Iqtisadi*» («Исламская экономика») (1945);

– и их последователи: Найим Сиддики (Naem Siddiqi), Маулана Маудуди (Maulana Maududi), Мухаммад Хамидулла (Muhammad Hamidullah), Мухаммад ал-Газали (Mohammed al-Ghazali al-Saqqa), Мухаммад Бакир ас-Садр (Muhammad Baqir al-Sadr), Саид Маназир Ахсан Гилани (Manazir Ahsan Gilani), Шейх Махмуд ибн Ахмад (Ahmad Shaikh Mahmud).

В последующем появились произведения ученых Мухаммада Узайра (Muhammad Uzair), Абдуллы ал-Араби (Abdullah al-Araby), Мухаммада Неятуллы Сиддики (Muhammad Nejatullah Siddiqi), ан-Наджара (al-Najjar), Сами Хассана Хомоунда (Sami Hassan Homound), внесших существенный вклад в исследования, посвященные исламской экономике и финансам.

Начиная с 1970-х годов произошли также существенные события, повлиявшие на осмысление и оформление исламской экономики уже как самостоятельной научной дисциплины, в частности:

– состоялись значимые международные конференции («Конференция министров финансов исламских стран», 1970 г., в Карачи (The Conference of the Finance Ministers of the Islamic Countries) и др.);

– основаны мощные исламские международные организации («Организация Исламского сотрудничества» (Organisation of Islamic Cooperation (OIC) до 2011 г. – Организация Исламская конференция (ОИК)) и т.п.);

– учреждены крупные мировые исламские банки («Исламский банк развития» (The Islamic Development Bank) и ряд других).

М. Сиддики в ряде изданных произведений вывел основные задачи исламской экономики, среди которых¹:

- предоставление всем людям равных возможностей;
- создание должных условий для духовного роста и самосовершенствования;
- удовлетворение минимальных потребностей в предметах первой необходимости;
- обеспечение справедливого распределения материальных ресурсов в обществе;
- поддержание экономической стабильности и неуклонного экономического роста.

Рассматривая такую сложную экономическую систему, как исламская экономика, необходимо подчеркнуть, что она неразрывно связана с восточным бытом и фактически отражает всю совокупность взглядов правоверных мусульман на хозяйственно-экономическую деятельность. Такую позицию разделяет большинство ученых, изучающих исламскую экономику. По мнению А.Д. Ларионова, Д.А. Ал-Шарайреха, «исламская экономика неразрывно вплетена в ткань мусульманского общества, и на нее оказывают огромное воздействие как общие исламские морально-этические нормы, так и прямые указания, содержащиеся в Коране и Сунне. Именно религиозная мораль вместе с конкретными экономическими предписаниями представляет собой базис исламской экономики и определяет ряд ее имманентных постулатов»². «Она (исламская экономика. – *Прим. авт.*) систематизирует хозяйственный опыт общины времен Пророка Мухаммада и первых халифов; она стоит на религиозно-правовом фундаменте ислама; свои

¹ См. об этом: Siddiqi M.N. Lecture One: The Foundations of Islamic Finance. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.siddiqi.com/mns/Lecture1.htm> (Дата обращения: 17.09.2016.); Siddiqi M.N. Lecture Two: Recent History Of Islamic Banking And Finance. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.siddiqi.com/mns/Lecture2.htm> (Дата обращения: 17.09.2016.); Siddiqi M.N. Lecture Three: Problems and Prospects of Islamic Banking and Finance. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.siddiqi.com/mns/Lecture3.htm> (Дата обращения: 17.09.2016.); Siddiqi M.N. Outline of Lectures on Islamic Banking and Finance. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.siddiqi.com/mns/Islamicbankinghandout.htm> (Дата обращения: 17.09.2016.)

² Исламские финансы в современном мире: Экономические и правовые аспекты: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Р.И. Беккин. – М., 2003. – С. 215.

конкретные формы черпает в источниках фикха; наконец, ее пронизывает прочный стержень этического императива»¹.

Рассматривая глубже религиозно-нравственные составляющие, существенно повлиявшие на формирование и развитие исламской экономики, приведенные на первых страницах настоящей статьи, необходимо осветить следующие категории: благотворительность (на примере вакфа), добропорядочность и запрет (на примере халала и харама) и иные, имеющие важное значение, касающиеся отношения к материальным ресурсам².

Вакф представляет собой имущество, отчуждаемое в благотворительных целях. После передачи определенного имущества в вакф (или, по мнению других мусульманских правоведов, после объявления решения об этом) оно перестает быть собственностью учредителя вакфа, не становясь вместе с тем собственностью того, кто получает вакф и управляет им в интересах обозначенных учредителем вакфа выгодоприобретателей. Институт вакфа – это типичный пример расщепления права собственности, при котором правомочия владения и пользования имуществом переходят к бенефициариям, а распоряжение ограничено волеизъявлением учредителя вакфа. Поскольку в Коране о вакфе напрямую ничего не говорится, мусульманские исследователи рассматривают данный институт в контексте стихов, посвященных вопросам благотворительности (2: 215, 264, 270, 280; 51: 19; и др.)³.

Вакфы несут благотворительную, социальную, религиозную и нравственную функции, поскольку денежные средства, полученные от вакфа, могут использоваться в качестве источников финансирования медицины (медицинские учреждения, персонал, научные разработки), религиозных учреждений, образования (вузов, библиотек, преподавателей, студентов, обслуживающий персонал), что позволяет обеспечить нуждающихся, частично перераспределив расходы из государственного бюджета на милосердных меценатов, в результате вакфы создают возможность более справедливого перераспределения дохода в обществе. При этом

¹ Исламские финансовые институты в мировой финансовой архитектуре / Под ред. К.В. Кочмола. – Ростов н/Д.: РГЭУ (РИНХ), 2008. – С. 37.

² См. об этом: Добаев И.П., Добаев А.И. «Новый терроризм»: Глобализация и социально-экономическое расслоение // Мировая экономика и международные отношения. – 2009. – № 5. – С. 114–120.

³ Беккин Р.И. Институт вакфа в социально-экономической и политической жизни мусульманских стран // Вестник СПбГУ. – 2008. – № 3. – С. 109.

имущество, переданное в вакф, может быть движимым и недвижимым.

Несмотря на существующие различия в подходах ученых по отношению к категории вакфа, универсальными являются следующие требования, предъявляемые к ним:

– шариатом запрещается учреждать вакф непосредственно в пользу его учредителя и на запрещенные виды деятельности;

– непосредственно сам предмет вакфа должен фактически существовать;

– вакф является бессрочным и не может быть отозван или отчужден никем после его учреждения;

– вакф должен быть доходным;

– вакф должен учреждаться в пользу малоимущих, людей с ограниченными возможностями.

Мораль ислама выделяет важный фактор, оказывающий определяющее воздействие на финансово-экономическую деятельность правоверных мусульман. К нему большинство зарубежных и отечественных авторов относят: *справедливость* (добропорядочность), и *нравственное наполнение распоряжения экономическими ресурсами* (собственностью и деньгами)¹.

Такие центральные религиозные категории как *харам*, *халал*, *зулм* и вышерассмотренный *вакф* обусловили, с одной стороны, важность обеспечения свободы волеизъявления хозяйствующих субъектов, конкуренции и отрицания монополии при одновременной нравственной наполненности финансово-экономической деятельности, имеющей конечную цель – повышение уровня общественного благополучия.

С другой же стороны, вышеприведенные категории запрещают правоверным любые действия, приводящие к притеснению интересов членов мусульманского общества и любые проявления несправедливости по отношению к ним. Поэтому признаются незаконными любые сделки, сопряженные с нанесением урона мусульманскому обществу в целом и конкретному индивиду в частности, как в форме совершения спекулятивных сделок, приводящих к отрыву финансовой сферы от реальной экономики,

¹ См. об этом: Зарипов И.А., Петров А.В., Житов Д.А. Исламское банковское дело: История развития // Международные банковские операции. – 2006. – № 4. [Электронный ресурс] // URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ПБИ;n=80502> (Дата обращения: 12.10.2016.); Исламские финансы в современном мире: Экономические и правовые аспекты. – С. 13–22.

коррупционным проявлениям, реализации мошеннических схем, с целью незаконного присвоения чужой собственности по отношению к правоверным мусульманам вне зависимости от того, является ли ущерб прямым или косвенным, материальным либо формальным.

Правоверный мусульманин, согласно ранее приведенным источникам мусульманства, должен отдавать себе отчет, что истинным собственником *экономического ресурса* (всех видов собственности, денег и иных материальных ценностей) является Аллах, а потому, в соответствии с исламскими ценностями, любой ресурс должен максимально эффективно использоваться в интересах всей мусульманской уммы, одновременно принося материальное вознаграждение его владельцам (в случае, если была создана реальная добавленная стоимость, а не произошло обособленное увеличение денежной массы). Во многом именно эта концепция «временной вверенности» ресурсов и человеческого «наместничества» обуславливает, с одной стороны, недопустимость накопления, праздности и спекуляций, с другой – повышенное налогообложение бездействующих экономических ресурсов, тем самым стимулируя благотворительные и инвестиционные процессы в экономиках стран, исповедующих ислам. В этой связи объяснимо, что вверенные правоверному мусульманину ресурсы должны быть использованы на цели, угодные Аллаху. Вышеизложенное формирует мотив постоянного инвестирования на цели, угодные Аллаху, и передачи владельцами ресурсов в случае их делового несоответствия иным, более опытным и умелым, лицам.

В этой связи следует согласиться с тем, что «...в исламской экономике деньги выполняют функции средства обращения и сбережения (с определенными ограничениями). Эти функции во многом похожи на традиционные функции денег в западных странах. Принципиальным же отличием является то, что в исламской экономике денежная система рассматривается как неизбежный механизм обслуживания финансово-экономических потребностей. Сами деньги играют роль технического инструмента, по сути позволяющего осуществлять сделки купли-продажи, но сами по себе деньги не имеют никакой стоимости. Наряду с традиционной политэкономией исламская экономическая мысль проводит различие между деньгами и капиталом: деньги, по сути, рассматриваются как потенциальный капитал. Однако их преобразование в капитал в исламской модели требует активного участия обладателя денежного ресурса. То есть получение прибыли капиталистом

оправданно, если он ставится в равные условия с обладателями прочих факторов производства, фактически сам становится предпринимателем, партнером в рамках проекта, не стоящим в стороне от того дела, на которое идут деньги. Этот новый статус, соответственно, обуславливает получение им доли прибыли (или принятие на себя части убытков), но не фиксированного и гарантированного вознаграждения, известного как ссудный процент. Вознаграждение определяется размером вклада, оцениваемого с точки зрения достигнутого прироста реального богатства. Взаимоотношениям заимодавца и заемщика придается новое измерение»¹.

В качестве основных факторов, предопределивших *становление современной экономической доктрины* выделяются²:

– распад колониальной системы в XX в., а соответственно, и ослабление позиций ряда европейских стран в государствах Ближнего и Среднего Востока (преимущественно Великобритании, Франции. – *Прим. авт.*);

– стремление правоверных мусульман после распада колониальной системы к экономическому возрождению и обрамлению национальной экономической идеи;

– порочность с религиозной точки зрения финансово-экономической деятельности по западному образцу и подобию;

– возрастание влияния в определенных сферах международного бизнеса и стремительный рост материального благосостояния мусульманского населения;

– подверженность кризисным явлениям западных экономических и финансовых систем.

Приведенные в начале статьи события, повлиявшие на осмысление и оформление исламской экономики, произошедшие важные мировые институциональные изменения, а также рассмотренные источники мусульманства создали основу *исламской экономической модели*, озвученной в ходе проведенной Лигой арабских государств в Тунисе 15 ноября 1988 г. научно-практической конференции (состоявшейся вскоре после экстренного саммита Лиги в период с 7 по 9 июня 1988 г. в Алжире), в основу которой легли такие тезисы:

¹ Исламские финансы в современном мире: Экономические и правовые аспекты. – С. 22.

² Филоник А.О. Финансовые структуры Ближнего Востока. – М., 1996. – С. 12.

– истинным собственником всего существующего в мире является Аллах, человек лишь может распоряжаться тем, что вверил ему Аллах;

– все происходящие в мире процессы предопределяет Аллах;

– исламский экономический порядок должен быть отражением гармонии и социальной справедливости;

– частная собственность в исламском понимании может быть ограничена только действующими законными способами ее присвоения, распоряжения, налоговой составляющей и выплатой возможных долговых обязательств.

Профессор Даремского университета М. Асутай выделяет ряд основополагающих принципов и аксиом исламской экономики¹.

- Единобожие (таухид) выступает доминирующей и всеохватывающей этической составляющей, следствием которой является то, что люди, являясь все детьми Аллаха, равны.

- Социальная справедливость и социальная направленность (адала, ихсан) в межличностных взаимоотношениях.

- Гармоничный рост, непрерывное самосовершенствование (тазкийя).

- Создание предпосылок социуму (индивиду, обществу) в достижении своего превосходства (рубубийа, англ. – Rububiyah).

- Свобода действий, но направленная на служение общественным интересам (фард).

- Люди являются наместниками (уполномоченными) Аллаха на Земле (халифах) и должны исполнять и придерживаться этих принципов.

Всеобщая исламская декларация прав человека целостно и развернуто выражает существующую *концепцию исламского экономического порядка*, основными положениями которой являются следующие²:

1. В своей хозяйственной деятельности все люди имеют право пользоваться природными богатствами. Это блага, данные Аллахом всему человечеству.

2. Все люди имеют право добывать средства к существованию в соответствии с законом.

¹ [Электронный ресурс] // URL: www.the-ifes.org/2012/11/03/the-islamic-moral-econome-de-mehmet-asutay/ (Дата обращения: 11.09.2016.)

² [Электронный ресурс] // URL: <http://www.worldislamlaw.ru/archives/122> (Дата обращения: 03.10.2016.)

3. Всякий человек обладает правом собственности, которой он владеет индивидуально или совместно с другими лицами. Национализация некоторых экономических средств в общественных интересах законна.

4. Бедняки имеют право на определенную часть состояния богатых, установленную закатом и выделяемую в соответствии с законом.

5. Все средства производства должны использоваться в интересах всей общины. Запрещается не принимать их в расчет или плохо ими распоряжаться.

6. Для обеспечения развития сбалансированной экономики и для защиты общества от эксплуатации исламский закон запрещает монополии, чрезмерно ограничительную коммерческую деятельность, ростовщичество, использование принудительных мер при заключении сделок и публикацию лживой рекламы.

7. Разрешены все виды экономической деятельности, если они не приносят вреда интересам общины и не нарушают исламские законы и ценности.

Современная исламская *экономическая доктрина* базируется, прежде всего, на Коране и Сунне, примерах делового поведения Пророка Мухаммада. По мнению ряда ученых, исламская экономика является одной из мусульманских наук, а исламская экономическая доктрина выступает составным элементом глобальной исламской концепции жизни правоверных мусульман. С учетом того что доминирующий вклад к настоящему времени в исламскую экономическую доктрину внесли видные мусульманские богословы, правоведы и философы, объяснимо, что она вобрала в себя ценностные ориентиры, заложенные в Священном Коране, которые «определяют допустимые границы экономических мотиваций и инвестиционных решений и обосновывают морально аргументированную хозяйственную стратегию человека (предпринимателя) с целью обеспечения справедливого равновесия между материальными и духовными потребностями, а также между индивидуальными и общественными обязанностями человека»¹.

¹ Евдокимов В.В., Грицишен Д.А. Исламская экономическая доктрина как среда формирования и развития исламской модели бухгалтерского учета // Международный бухгалтерский учет. – 2012. – № 29. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.fin-izdat.ru/journal/interbuh/detail.php?ID=52161> (Дата обращения: 24.09.2016.)

В связи с изложенным представляет интерес следующая справка, приведенная российским ученым Р.И. Беккиным:

«В *Коране* не так много, как может показаться на первый взгляд, предписаний, непосредственно посвященных вопросам предпринимательской деятельности. Однако мусульманские правоведы и по сей день считают его главным и непререкаемым источником норм, регулирующих экономические отношения в обществе. Например, в аяте 282 суры “Бакара” (“Корова”) подробно описываются правила заключения договора. Однако в целом более существенную роль играют не нормы прямого действия, подробно регулирующие те или иные виды экономических отношений, а общие положения, которым мусульманские юристы на протяжении веков придают особое толкование. Например, известный аят Корана: “Он (Аллах) – тот, кто сотворил вам все, что на земле...” (Коран 2: 29) мусульманские правоведы толкуют как дозволяющий, помимо прочего, институт частной собственности, а аят “Аллах хочет для вас облегчения, а не хочет затруднения для вас” (Коран 2: 185) лежит в основе положения о том, что при коллизии двух правовых норм судья должен предпочесть ту, исполнение которой требует меньших усилий со стороны человека. Подобные аяты, не имеющие, казалось бы, никакого отношения к предпринимательской деятельности, на протяжении веков стимулировали создание мусульманскими правоведами многочисленных трудов, посвященных вопросам регулирования экономических отношений в обществе.

Вторым по важности источником шариата является *Сунна Пророка*. Среди огромного числа дошедших до нас преданий (хадисов) немало посвящено вопросам предпринимательской деятельности. Как известно, следование Сунне является важной обязанностью каждого мусульманина. И вопросы, связанные с деловыми отношениями, здесь не исключение, тем более что, как свидетельствует мусульманское предание, сам Мухаммад был вполне успешным коммерсантом.

Ислам недаром называют религией торговцев. Многие выдающиеся деятели исламской истории активно занимались торговлей. Так, трое из четырех праведных халифов, входивших в число ближайших сподвижников Пророка, – Абу Бакр, Умар и Усман, а также отец Али – четвертого праведного халифа – были купцами, основатель же самой крупной правовой школы в исламе Абу Ханифа удачно совмещал занятие коммерцией с написанием выдающихся богословских и юридических трудов. Более того, само

мусульманское право стало развиваться на основе аятов Корана и изречений Пророка – хадисов, посвященных тем или иным видам торговых и экономических отношений.

Примеры делового поведения самого Пророка также нашли отражение в хадисах. Например: «Передают, что Абу Рафи, да будет доволен им Всевышний Аллах, рассказывал: “Однажды Пророк, мир ему и благословение Аллаха, позаимствовал у одного человека молодого верблюда. Когда же к нему пригнали верблюдов из закята, он повелел мне вернуть долг тому человеку”. Спустя некоторое время я вернулся к нему и сказал: “Я нашел только одного прекрасного верблюда, находившегося на седьмом году жизни”. Тогда Пророк сказал: “Отдай его ему, потому что лучшим из людей является тот, кто возвращает долг самым лучшим образом”»¹.

В результате, как справедливо констатируют В.В. Евдокимов и Д.А. Грицишен, «реализация *экономической доктрины ислама* имеет двусторонний характер. С одной стороны, выступает как конечная модель социально-экономического развития, а с другой – является средством достижения этого»².

Исламская этика финансово-экономических отношений, базирующаяся на принципах справедливости, отвергает и возможность взяток, монополизацию и предоставление неверной информации при определении стоимости ценных бумаг, не приемлет быстрых и нечестных способов обогащения, как то: азартных игр или спекуляций на фондовом рынке. Исламская модель оценивает эффективность фондовых рынков объемами инвестиций в реальные проекты в сфере промышленности, сельского хозяйства, строительства и т.д.³

Необходимо констатировать, что под воздействием, прежде всего, Корана и Сунны в исламской экономике сформировались определенные *виды деятельности, которыми запрещено заниматься* правоверным мусульманам. К ним относятся: производство и сбыт наркотических средств; учреждение азартных заведений;

¹ Беккин Р.И. Бизнес по-мусульмански // Татарский мир. – 2003. – № 18 (28). – С. 8.

² См.: Евдокимов В.В., Грицишен Д.А. Исламская экономическая доктрина как среда формирования и развития исламской модели бухгалтерского учета...

³ Зарипов И.А., Петров А.В., Житов Д.А. Исламское банковское дело: История развития... [Электронный ресурс] // URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PBI;n=80502> (Дата обращения: 12.10.2016.)

производство, продажа алкоголя, табачной продукции, свинины; всяческие коррупционные проявления; понуждение к занятию проституцией; вовлечение в порноиндустрию; оказание банковских и страховых услуг по западному подобию.

Следствиями в практической повседневной жизни правверных мусульман рассмотренных религиозно-нравственных категорий является особое отношение к труду, собственности, свободе экономико-хозяйственной деятельности, честности, имеющимся материальным ресурсам, налогообложению. К числу основных положений можно отнести следующие¹:

- порицание алчности, жадности (Коран 102: 1–8, 104: 1–9);
- *работа* в исламе занимает важное место (Коран 2: 110, 2: 254, 9: 60, 73: 20, 99: 6–8);
- существенное внимание уделяется обеспечению *имущественных прав и защите прав собственности* (Коран 6: 13);
- обязательное соблюдение договорных обязательств (Коран 2: 80, 2: 177, 2: 282, 5: 1, 16: 90–95, 17: 34, 61: 10–12);
- честность и порядочность в деловых отношениях;
- осуждение неправильного, неэффективного использования материальных ресурсов, осознание (Коран 4: 5, 23: 61);
- поощрение эффективного ведения хозяйства, и торговли в частности (использования капитала);
- порицание обмена неравнозначных (в стоимостном выражении) активов.

Необходимо констатировать, что система «хавала», которая зародилась ранее и развивалась одновременно со сформировавшейся в современном понимании исламской экономикой, вобрала в себя многочисленные культурно-религиозные особенности и закономерности, характерные для исламской экономики и финансов, а возможно, в какой-то мере повлияла на сегодняшние очертания последних². В этой связи представляется целесообразным осветить ключевые категории исламской экономики, которые в определенной мере оказывали воздействие на формирование и эволюцию

¹ См.: Беккин Р.И. Некоторые элементы исламской экономики // Проблемы современной экономики. – 2002. – № 1. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=29> (Дата обращения: 08.10.2016.)

² См.: Добаев А.И. Системы перевода денег или ценностей: Место и роль системы «хавала» // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – 2015. – № 1. – С. 97.

системы «хавала» и продолжают влиять на систему. К ним следует отнести:

1. Заkyat (налог в пользу нуждающихся мусульман).
2. Рибa (увеличение долга против его первоначального размера).
3. Гарар (неадекватный риск).
4. Мейсир (доход, образовавшийся в результате случайного стечения обстоятельств).
5. Мушарака (партнерство, сотворение, соучастие).

Заkyat. В исламской экономике закят на протяжении уже многих веков занимает значимое место. Это обусловлено тем, что закят, как известно, отнесен к числу пяти главных вероисповедальных обязанностей правоверного мусульманина. Кроме того, закят в государствах, в которых основной религией выступает ислам, нередко закреплён в качестве официального сбора (налога), величина которого находится в прямой зависимости от вида актива.

В мусульманской умме закят традиционно осмысливается все же более как пожертвование, сбор или отчисление, нежели налог. Изложенное исламский экономист Саббахаддин Заим подкрепляет тем, что закят¹: распространяется только на мусульман; является одной из вероисповедальных обязанностей для правоверного мусульманина, что наполняет эту категорию моральной, нравственной и религиозной составляющими, довлея при этом над финансово-экономической; безвозвратен и безвозмезден; а также тем, что порядок оплаты закята, его размер постоянны и неуплата закята не может быть прощена Аллахом.

Закят в экономической плоскости выполняет несколько важных функций: способствует выравниванию уровня жизни населения, сглаживает образующиеся социальные разрывы, что в итоге снижает социальную напряженность; стимулирует инвестиционную активность; формирует культуру потребления среди мусульманской уммы, постоянно напоминая о том, что подлинным собственником всего является Аллах.

Необходимо констатировать, что в современной исламской экономике не существует единства относительно величины закята, субъекта и предмета обложения закятом, а также процедуры его уплаты. Вместе с тем принято, что закятом облагаются активы, которые удовлетворяют определенным условиям, а именно когда:

¹ Sabahaddin Z. Recent Interpretations of the Economic Aspects of Zakah // Management of Zakah in Modern Muslim Society. – 2000. – P. 112.

– величина активов на момент подсчета суммы налога превышает нисаб (минимум собственности, подлежащей обложению закятом);

– активы находятся в собственности налогоплательщика в течение года;

– активы приобретены законным путем;

– совершаемые с этими активами коммерческие операции не противоречат шарияту;

– активы предназначены для личного пользования.

Следует оговориться, что тема налогообложения в исламской экономике настолько обширна, что заслуживает отдельного детального рассмотрения. Однако для общего понимания следует учитывать, что закят не является единственным сбором в исламской экономике, существует ряд обстоятельств, которые разрешают использование и других нехарактерных для обычных условий налогов и сборов. По мнению М. Кафха, основанием для введения дополнительных налогов может быть резкое снижение доходной части бюджета государства при одновременном значительном увеличении расходов на оборону¹.

Риба. Стоит обратить внимание на то, что в исламской экономике осмысление места, функций и самой природы денег существенно отличаются от аналогичных подходов, имеющих место в традиционных экономиках. В исламской экономике вопреки распространенному мнению, не осуждают деньги как экономическую категорию (выполняющую функции меры стоимости, средства обращения, сбережения и пр.), равно как и в традиционных экономиках религия не осуждает деньги как инструмент совершения экономико-хозяйственной деятельности.

Вместе с тем необходимо выделить важное отличие, характерное для исламской экономики – прирост денежных средств, получение прибыли одобряется в тех случаях, когда непосредственно владелец финансовых ресурсов принимает активное и обоюдное участие в проекте наравне с остальными сторонами и разделяет возможные прибыли и риски. Для исламской экономики, с некоторыми оговорками, характерно стимулирование инвестирования в сектор реального производства, где создаются рабочие места, выпускается востребованная продукция, т.е. в целом

¹ Monzer Kahf. Taxation Policy in an Islamic Economy // Readings in Public What is usury? [Электронный ресурс] // URL: www.islamic-finance.com/item5_f.htm (Дата обращения: 07.10.2010.)

общество получает видимые блага от такой деятельности. В этом случае участники могут получать процент от прибыли, адекватный размеру их инвестиций в проект, но из расчета фактически полученной прибыли, а не фиксированного заранее дохода, который выражается в осуждаемом шариатом ссудном проценте.

Следствием такого религиозно-этического подхода к сущности денег является *риба*. Суть *рибы* заключается в запрете целого ряда операций, в которых усматривается увеличение суммы взятого долга по сравнению с его изначальным размером. Запрет на операции, содержащие *риба*, является основой деятельности исламских финансовых институтов и идеологическим базисом предлагаемой исламскими экономистами беспроцентной экономики¹. Современные мусульманские идеологи интерпретируют запрет *риба* как регулятор экономической жизни, утверждая, что с его помощью возможно создание справедливого общества, поскольку фиксированный ссудный процент усиливает тенденцию аккумуляции богатства в руках немногих и способствует разобщенности людей, гарантируя прибыль без риска утраты вложенных средств, сдерживает инвестиции и снижает занятость².

Необходимо подчеркнуть, что с религиозной точки зрения осуждаются вне зависимости от размера, формы, доли участия все те, кто подписывает соглашение, в рамках которого имеет место *риба*, или выступает в заключенном договоре в качестве независимого лица.

Исследователи исламской экономики склоняются к тому, что *риба* характерна преимущественно для сделок, которые предполагают обмен товара на товар. Однако в отдельных публикациях упоминается, что доля сделок, содержащих *риба*, в случаях товарно-денежного обмена крайне незначительно, но то же время имеет тенденцию к незначительному увеличению.

В настоящее время существуют следующие разновидности категории *риба*:

1. *Риба* «ан-наси'а», «Al-nasia giba» или «Real giba» (означает: «al-nasia» – отсрочивать, переносить, оттягивать, откладывать). Прирост к первоначальной сумме долга в качестве оплаты за отсрочку произведения расчетов, или любое возможное увеличе-

¹ Исламские финансовые институты в мировой финансовой архитектуре. – С. 137–138.

² Исламские финансы в современном мире: Экономические и правовые аспекты... – С. 220.

ние к сумме основного долга, образующегося у получателя займа перед заимодавцем от предоставления средств в долг на фиксированный временной промежуток;

2. Рыба «ал-фадл», «Al-fadl riba» / «Trivial riba» (означает: «al-fadl» – прирост / рост / увеличение) сводится к неравноценности, несоответствию (прежде всего в качественных и количественных измерениях) при обмене (бартерных сделках) однотипных товаров. В свою очередь рыба «ал-фадл» разделяется на следующие разновидности:

2.1. Неявная рыба (англ. – Implicit riba) – может возникать в тех случаях, когда одно лицо предоставляет другому на какое-то время какие-либо финансово-экономические ресурсы; получатель в знак благодарности может оказывать заемщику какие-либо услуги или предоставлять в безвозмездное пользование какие-либо материальные вещи, которые не были указаны в договоре;

2.2. Обменная рыба (англ. – Barter riba) – возникает в тех случаях, когда происходит неравный обмен товарами.

Вышеприведенные виды категории рыба во многом влияют на финансово-экономические отношения хаваладаров с момента формирования системы, поощряя торговые схемы уравнивания возникающих обязательств, требуя от них: обмен эквивалентными по стоимости ликвидными товарами (для последующей реализации), всестороннее участие в экономической деятельности на принципах разделения прибыли и убытков, при одновременном запрете каких-либо ростовщических проявлений.

Существуют и другие классификации категории «рыба». В частности, на ссудную рыба (рыба ал-дуйун) и торговую рыба (рыба ал-буйу'). Ссудная рыба включает в себя две формы рыба ан-наси'а. К торговой же рыбе относится как рыба ан-наси'а, так и рыба ал-фадл. Например, если кто-то меняет килограмм ячменя на другой килограмм ячменя и имеет место отсрочка, то можно говорить о рыба ан-наси'а. Если же в обмен на килограмм ячменя кто-то получает, скажем, один килограмм и сто граммов ячменя, то перед нами рыба ал-фадл¹.

Первое из приведенных разграничений дает возможность рассматривать каждую заключаемую сделку в двух аспектах:

¹ Беккин Р.И. Ссудный процент в контексте религиозно-этических хозяйственных систем прошлого и современности // Вопросы экономики. – 2007. – № 2. – С. 152.

1. Во временнóм – речь идет о времени оплаты сделки (до или после ее окончания), когда по ряду причин может возникнуть разница между текущей рыночной ценой и ценой, указанной в договоре.

2. Количественно-качественном – принимается во внимание адекватность товаров по цене и качеству (равноценность или неравноценность).

Западная экономика коренным образом отличается от исламской экономики в первую очередь по той причине, что кредитор нередко не принимает непосредственного участия в финансово-экономической деятельности кредитополучателя и, не разделяя экономические риски, получает установленный процент в виде дохода, при этом законодательно его право на прибыль закреплено. С исламской точки зрения в деятельности кредитора не просматриваются действия, которые могут способствовать улучшению мусульманского общества (например, через создание нового востребованного продукта, рабочих мест, технологий и пр.). С точки зрения шариата в том случае, если кредитор не принимает активного участия в прирастании денежных средств, это может справедливо рассматриваться как спонтанно образовавшийся доход (майсир: см. ниже).

Гарар. Кроме ранее обозначенных фундаментальных положений важное место в исламской экономике занимает категория «гарар». Гарар можно трактовать как необоснованный, излишний, ненужный, неадекватный, неподкрепленный, неоправданный риск или опасность.

Следует отметить, что, по мнению исследователей, шариат не осуждает риск – он допускается при условии, что ни одна из сторон контракта не может претендовать на то, чтобы гарантировать себя от связанных с ним возможных потерь за счет другой стороны или сторон. Признается, что любая хозяйственная операция сопряжена с риском, который стороны могут просчитать на основе имеющейся информации и, таким образом, осознать последствия своих действий¹.

Риск в исламской экономике не осуждается в том случае, если ни одна из сторон (которая участвует в контракте) не предпринимает попыток защитить себя от связанных с ним возможных

¹ Исламские финансовые институты в мировой финансовой архитектуре. – С. 134.

потерь за счет других участников, вовлеченных в конкретную экономическую деятельность, связанную с выполнением контракта.

В то же время шариат строго запрещает бессмысленный риск и расплывчатость (неточность, неясность, неоднозначность) с правовой точки зрения в формулировании факторов, которые учитываются экономическими акторами при расчете возможной выгоды от сделки, в том случае, если эти факторы необоснованно увеличивают риск для участников сделки.

Шариат осуждает получение односторонних преимуществ в ходе реализации контракта более информированной стороной контракта, а также заключение сделок, где усматривается обман (от осведомленности одной стороны контракта).

В целом же гарар можно рассматривать как результат информационной асимметрии. Исламский взгляд на асимметрию такого рода состоит в ее этической интерпретации, т.е. шариат осуждает получение односторонних преимуществ более информированной стороной контракта. В практическом плане за термином «гарар» стоит запрет на контракт, содержащий элемент заблуждения или обмана, возникающего в результате использования одной стороной неосведомленности другой стороны в отношении предмета контракта, его цены или точных характеристик, информационная асимметрия, безусловно, порождается и такой ситуацией, когда условия контракта или ожидаемый результат могут восприниматься его участниками по-разному, т.е. им случайно или умышленно придается двусмысленный характер¹.

Таким образом, неприятие чрезмерного риска в концепции исламских финансов подразумевает²:

1. Необходимость симметричного распределения риска среди участников сделки.

2. Материальную завершенность сделки, т.е. финансовая сделка должна быть прямо или косвенно связана с реальной сделкой.

3. Необходимость соблюдения прав каждой стороны в сделке.

Майсир. Категория «майсир» тесно взаимосвязана с категорией «гарар». Майсир (с араб. – азартная игра) означает полученную человеком прибыль в результате случайного стечения обстоя-

¹ Исламские финансы в современном мире: Экономические и правовые аспекты. ... – С. 18.

² Исламские финансовые институты в мировой финансовой архитектуре. – С. 136.

тельств. Такой доход, как правило, получен в результате спонтанной (как пишут восточные исследователи, «паразитической») деятельности, не связанной с реальным производством.

Основная функция майсира состоит в запрете деятельности, которая отвлекает от производительного занятия, и при этом богатство создается без усилий, за счет убытков и потерь другой стороны.

Мушарака. Следующей категорией исламской экономики, обусловленной запрещением взимания процентов за пользование деньгами, является мушарака (араб. – партнерство), которая восходит к древним формам торгового партнерства, существовавшего на Ближнем Востоке. В настоящее время на основе мушарака осуществляется большинство сделок в исламском банковском деле. Согласно мушарака, доля каждого партнера в прибылях и убытках определяется специальным договором, в котором оговариваются все особые условия финансирования. Различные формы взаимных обязательств в рамках мушарака позволяют осуществлять коммерческую деятельность, приносящую прибыль, обходя в определенной мере при этом запрет – рибха.

По мнению К.В. Кочмола, в исламской модели денежные активы создаются как ответ на инвестиционные возможности в реальном секторе, соответственно, не финансовые институты задают темп развития реальной экономики, а наоборот, производственный сектор сам создает для себя благоприятный инвестиционный климат¹.

Следует отметить, что все вышерассмотренные центральные категории исламской экономики в определенной мере повлияли, а также продолжают оказывать существенное воздействие на *финансовые инструменты исламской банковской системы*, включая систему «хавала», определяя векторы и особенности их развития.

С учетом изложенного представляется целесообразным детально рассмотреть наиболее важные исламские банковские инструменты².

Мудараба (англ. – Mudharabah или Mudarabah) – это соглашение, заключаемое между двумя сторонами, когда одна сторона

¹ Исламские финансовые институты в мировой финансовой архитектуре. – С. 137.

² См. об этом: Добаев И.П., Добаев А.И., Немчина В.И. Геополитика и терроризм эпохи Постмодерна. – Ростов-на-Дону: Издательство ЮФУ, 2015. – С. 78–98.

(рабб ал-мал) полностью предоставляет необходимой капитал для финансирования проекта, а другая (мудариб) занимается управлением проекта, используя свои предпринимательские способности. Прибыли, возникающие в результате осуществления совместного предприятия, распределяются в установленном заранее порядке. Убытки, в случае их возникновения, будут покрываться за счет средств рабб ал-мал, если только они не были вызваны нарушениями контракта со стороны мудариба¹. То есть этот инструмент является по своей сути производным и напрямую выступает воплощением принципа участия в прибылях и убытках².

Мурабах (англ. – Murabahah) – представляет собой финансирование операции, чаще всего торговой, по принципу «издержки банка плюс наценка» в основном с рассрочкой возмещения клиентом. Данный вид финансирования является договором между банком и его клиентом о продаже товаров по специальной цене, которая включает согласованную заранее маржу, т.е. разницу между ценой покупки и ценой продажи. Эта маржа составляет прибыль банка. Сама операция включает приобретение банком конкретных товаров по требованию клиента, а затем продажу этих товаров клиенту с наценкой. Оплата производится поэтапно в течение установленного заранее периода времени. Этот вид операций напоминает такую услугу западных коммерческих банков, как продажа товаров в рассрочку с установленным процентом (или, по-другому, потребительский кредит)³.

Мушарак (англ. – Musharakah) – представляет собой исламский способ сотрудничества в финансовой сфере, когда две стороны объединяют свои капиталы для финансирования какого-либо проекта, при этом прибыль они делят в заранее определенном порядке, а убытки – в зависимости от долевого участия в капитале. Управление проектом может осуществляться совместно двумя сторонами или какой-то одной стороной. Это довольно гибкий вид сотрудничества, поскольку способ разделения прибылей и убытков,

¹ Зарипов И.А., Петров А.В., Житов Д.А. Исламское банковское дело: История развития // Международные банковские операции. – 2006. – № 4. [Электронный ресурс] // URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PBI;n=80502> (Дата обращения: 27.09.2016.)

² Хорошилов С.Д. Банковский сектор стран – членов совета по сотрудничеству в Персидском заливе // Международные банковские операции. – 2006. – № 4. [Электронный ресурс] // URL: http://www.reglament.net/bank/mbo/2006_4.htm (Дата обращения: 09.10.2016.)

³ Там же.

а также управление могут быть оговорены заранее сторонами – участницами соглашения. Суть данного соглашения сводится к тому, что две и более сторон вступают в отношения делового партнерства с заранее определенным капиталом и обоюдосторонним разделением прибылей или убытков¹.

Обычно применяется при образовании деловых партнерств и совместных предприятий. Прибыли распределяются в пропорции, произвольно согласованной участниками проекта, в то время как убытки относятся на счет сторон пропорционально долям их участия в проекте².

Исламские банки в своей деятельности также оперируют и другими разрешенными шариатом многочисленными финансовыми инструментами, позволяющими уходить от процентных отношений, к которым можно отнести следующие основные: байт ал-мал (Baitum Maal), иджара (Idjara), кард ал-хасана (Qardul Hasanah), бай ас-салам (Salam) и ряд других³.

Таким образом, с учетом изложенного, позиции исследователей системы *хавала* представляются неглубокими и фрагментарными в тех случаях, когда отдельные черты, присущие системе *хавала*, и ее преимущества перед другими системами переводов денег и ценностей, такие как:

¹ Зарипов И.А., Петров А.В., Житов Д.А. Исламское банковское дело: История развития... [Электронный ресурс] // URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PBI;n=80502> (Дата обращения: 27.09.2016.)

² Хорошилов С.Д. Банковский сектор стран – членов совета по сотрудничеству в Персидском заливе // Международные банковские операции. – 2006. – № 4. [Электронный ресурс] // URL: http://www.reglament.net/bank/mbo/2006_4.htm (Дата обращения: 15.10.2016.)

³ См. об этом: Amjid Ali. Viewpoint: Shariah Law – Brining a New Ethical Dimension to Banking // Islamic Finance Instruments and Markets. – London, 2010. – P. 3–6; Abdel-Rahman Yousri Ahmad. Islamic Modes of Finance and the Role of Sukuk // Islamic Finance Instruments and Markets. – London, 2010. – P. 7–10; Andreas Jobst. Risk Management of Islamic Finance Instruments // Islamic Finance Instruments and Markets. – London, 2010. – P. 31–38; Bilal Rasul. Identifying the Main Regulatory Challenges for Islamic Finance // Islamic Finance Instruments and Markets. – London, 2010. – P. 21–24; Daud Vicary Abdullah and Ramesh Pillai. Procedures for Reporting Financial Risk in Islamic Finance // Islamic Finance Instruments and Markets. – London, 2010. – P. 109–112; Mehmet Asutay. Islamic Microfinance: Fulfilling Social and Developmental Expectations // Islamic Finance Instruments and Markets. – London, 2010. – P. 25–30; Qudeer Latif and Susi Crawford. Introduction to Islamic Financial Risk Management Products // Islamic Finance Instruments and Markets. – London, 2010. – P. 11–16.

- невысокая стоимость услуг;
 - переводы без комиссии (для бедняков);
 - невзимание комиссии за совершение валютно-обменных операций;
 - продажа касс хаваладарами друг другу без комиссии;
 - быстрота переводов;
 - эффективность переводов (постоянный доступ хаваладаров к иностранной валюте, более выгодный обменный курс и т.п.);
 - существенная доля торговых схем уравнивания взаимных обязательств между хаваладарами;
 - преимущественное уравнивание взаимных обязательств между хаваладарами адекватными по стоимости ликвидными активами;
 - сохранность денежных средств в связи с неинвестированием их хаваладарами в рискованные виды бизнеса;
 - симметричное распределение возникающих рисков (денежного депозита, хранения, окончательности, ликвидности, риск потери основной суммы) между хаваладарами,
- тракуются в качестве исключительно эндогенных механических составляющих.

Фактически же система *хавала* значительно глубже. Так, являясь воплощением рассмотренных морально-нравственных ценностей источников мусульманства и центральных категорий исламской экономики, система *хавала* и все ее многочисленные элементы (включая наиболее важные в этом аспекте: платежный инструментарий хаваладаров, используемые ими схемы уравнивания взаимных обязательств) соответствуют исламским ценностным ориентирам, в связи с чем дробление системы на разрозненные элементы и их обособленное рассмотрение с позиций экономической эффективности без учета экзогенного исламского фактора уводит от всестороннего целостного подхода к рассмотрению системы.

Литература

1. Беккин Р.И. Бизнес по-мусульмански // Татарский мир. – 2003. – № 18 (28).
2. Беккин Р.И. Институт вакфа в социально-экономической и политической жизни мусульманских стран // Вестник СПбГУ. – 2008. – № 3.
3. Беккин Р.И. Ссудный процент в контексте религиозно-этических хозяйственных систем прошлого и современности // Вопросы экономики. – 2007. – № 2.

4. Добаев А.И. Системы перевода денег или ценностей: Место и роль системы «хавала» // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – 2015. – № 1.
5. Добаев И.П., Добаев А.И. «Новый терроризм»: Глобализация и социально-экономическое расслоение // Мировая экономика и международные отношения. – 2009. – № 5.
6. Добаев И.П., Добаев А.И., Немчина В.И. Геополитика и терроризм эпохи Постмодерна. – Ростов-на-Дону: Издательство ЮФУ, 2015. – 370 с.
7. Евдокимов В.В., Грицишен Д.А. Исламская экономическая доктрина как среда формирования и развития исламской модели бухгалтерского учета // Международный бухгалтерский учет. – 2012. – № 29.
8. Зарипов И.А., Петров А.В., Житов Д.А. Исламское банковское дело: История развития // Международные банковские операции. – 2006. – № 4.
9. Исламские финансы в современном мире: Экономические и правовые аспекты: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Р.И. Беккин. – М., 2003.
10. Филоник А.О. Финансовые структуры Ближнего Востока. – М., 1996.
11. Abdel-Rahman Yousri Ahmad. Islamic Modes of Finance and the Role of Sukuk // Islamic Finance Instruments and Markets. – London, 2010. – P. 7–10.
12. Amjid Ali. Viewpoint: Shariah Law – Brining a New Ethical Dimension to Banking // Islamic Finance Instruments and Markets. – London, 2010. – P. 3–6.
13. Asutay M. Islamic Microfinance: Fulfilling Social and Developmental Expectations // Islamic Finance Instruments and Markets. – London, 2010. – P. 25–30.
14. Daud Vicary Abdullah, Pillai R. Procedures for Reporting Financial Risk in Islamic Finance // Islamic Finance Instruments and Markets. – London, 2010. – P. 109–112.
15. Jobst A. Risk Management of Islamic Finance Instruments // Islamic Finance Instruments and Markets. – London, 2010. – P. 31–38.
16. Qudeer L., Crawford S. Introduction to Islamic Financial Risk Management Products // Islamic Finance Instruments and Markets. – London, 2010. – P. 11–16.
17. Bilal Rasul. Identifying the Main Regulatory Challenges for Islamic Finance // Islamic Finance Instruments and Markets. – London, 2010. – P. 21–24.
18. Sabahaddin Z. Recent Interpretations of the Economic Aspects of Zakah // Management of Zakah in Modern Muslim Society. – 2000.

*«Ислам в современном мире»,
М., 2016 г., т. 12, № 4, с. 149–170.
(Статья публикуется в сокращенном виде
по техническим причинам.)*

А. Аллокулов,
докторант кафедры Исламоведения
(Ташкентский Исламский Университет)
МУЛЛА АЛИ АЛЬ-КАРИ
И ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
ЕГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ «ФАРАИД АЛЬ-КАЛАИД
АЛЯ АХАДИСИ ШАРХ АЛЬ-АКАИД»

Полное имя ученого Нуриддин Абу аль-Хасан Али бин Султан Мухаммад Харави Макки Ханафи [6, с. 15]. Родился ученый в Герате, одном из городов Хорасана в 930/1523 г. [там же]. Изучив науку о чтении Корана – кираат, стал настолько известным, что его начали называть «Мулла Али аль-Кари» [там же]. В источниках приводятся скудные данные о жизни и деятельности ученого. Но его богатое наследие говорит о том, что вся жизнь Али аль-Кари прошла в постижении знаний. Он внес огромный вклад в дело обоснования аргументов ханафитского мазхаба и в его развитие. В частности, такие произведения ученого как «Миркат аль-мафатих» и «Никая» пользовались и продолжают пользоваться популярностью среди мусульманских улемов.

Али аль-Кари был известен как богобоязненный, честный ученый, который зарабатывал на жизнь ручным трудом. В источниках утверждается, что он каждый год собственноручно переписывал одну копию Корана красивым письмом, продавал ее и жил на эти деньги до следующего года. В другом предании утверждается, что он переписывал две копии Корана. Деньги от продажи одной копии раздавал беднякам Мекки, а остальные использовал для собственных нужд [8, т. 1, с. 27].

Известный мухаддис, ученый ханафитского мазхаба Мухаммад Абдульхалим Нуъмани, вспоминая Али аль-Кари, пишет следующее: «Али аль-Кари был богобоязненным, набожным человеком, который довольствовался тем, что зарабатывал от продажи своих рукописей, не вмешивался в мирские и бесполезные дела. Большинство времени он усердствовал на пути самосовершенствования и обращения Аллаху» [20, с. 88–90].

Множество других ученых и мухаддисов восхваляли Али аль-Кари как знатока разных отраслей науки и человека, написавшего книгу по всем областям науки. В частности, известный историк, который долгие годы преподавал в Масджид аль-хрამе Абдульмалик бин Хусейн бин Абдульмалик Исами Шафии (1049/1639–1111/1700), в своей книге «Самту ан-нужум аль-аваали

фи абнааи аль-авааили ва ат-таваали» пишет об ученом следующее: «Он воплотил в себе науки, опирающиеся на разум (акл), и науки, опирающиеся на предание (накл). Он был знатоком Сунны Пророка...» [1, т. 4, с. 394].

Известный факих ханафитского мазхаба Ибн Абидин в книге «Маджмуа ар-расаил» писал: «Он был карием, факихом, печатью мухаддисов и жемчужиной исследователей».

Еще один известный ханафитский ученый Абдуль Фаттах Абу Гудда (1336/1918–1417/1996), который изучил множество первоисточников и рукописей, о биографии алима говорил следующее: «Аллах наградил Муллу Али аль-Кари остроумием, пониманием, проницательностью, терпением для ведения исследований и тахриджа, необыкновенным даром простого изложения текстов. Аллах дал ему возможность погрузиться во все отрасли науки и изучить их. Он написал более 125 тыс. книг по разным направлениям науки, таким как тафсир, хадис, кираат, калям, фараиз, суфизм, табакат и тараджим, литература, языкознание и грамматика. Некоторые его книги состоят более чем из 20 томов, а некоторые всего лишь из нескольких страниц. Несмотря на то что арабский не был для него родным языком, это не ощущается в его трудах» [21].

Другой ученый ханафит Хусейн бин Мухаммад Саид Макки пишет: «Он был лучшим ученым своей эпохи, неповторимым знатоком наук как опирающихся на познание (акл), так и наук, опирающихся на предание (накл). Он в совершенстве изучил Коран, хадис, был алимом запретной мечети (Масджид аль-Харам, Кааба), известной личностью и мыслителем».

Историк, факих ханафитского мазхаба Абдульхай Лакнауви также положительно отзывался об ученом: «Один из ведущих ученых, жемчужина своего века, исследователь, имеющий свой метод, и автор множества произведений. Он был муджаддидом своей эпохи». Кроме этого, Мухаммад Амин Мухибби в книге «Хуласат аль-асар фи тараджим ахли карни аль-хади ашар» и историк и мухаддис Абдусаттар Дехлави (1286–1355/1869–1936) в «Ахаар аль-бустан» упоминают Али аль-Кари как специалиста по кираату, хадисами и фикху [2, т. 1, с. 106–108].

Первые знания Али аль-Кари получил в своем родном Герате. Так, изучив кираат (чтение Корана) и связанные с ним науки у Муьинуддина бин Хафиза Зайнуддина Харави, он стал хафизом Корана. После нашествия сефевидов и последовавших за этим гонений и казней суннитских ученых, он был вынужден переехать

в Мекку. Там он обучался у ведущих алимов своего времени, таких как Абульхасан Бакри, Сайид Закария Хусейни, Шихабуддин Абульаббас Ахмад бин Мухаммад Хайтами (ум. 973/1565) [16, т. 8, с. 370; 11, т. 2, с. 166], Аъля ад-дин бин Хусамуддин Абдульмалик бин Казихан (ум. 975/1567) [16, т. 8, с. 399; 9, т. 1, с. 746], Зейнуддин Атийя бин Али бин Хасан Суллами (ум. 982/1574) [10, т. 5, с. 33], Мухаммад Саид бин Мавляна Хаджа Ханафи (981/1573) [3, т. 4, с. 331], Абу Иса Кутбуддин Мухаммад бин Аъля ад-дин Ахмад бин Мухаммад (ум. 990/1582) [16, т. 8, с. 420; 10, т. 6, с. 134], Мулла Абдуллах бин Саъдуддин Ханафи (ум. 984/1576) [16, т. 8, с. 403], Шихабуддин Ахмад бин Бадруддин Мисри (ум. 992/1584) [16, т. 8, с. 426], Мухаммад бин Абульхасан Мухаммад бин Джалалуддин Мухаммад бин Абдуррахман бин Ахмад Бакри (ум. 993/1585) [5, с. 13], Санануддин Юсуф бин Абдуллах Руми Ханафи (ум. 1000/1591) [9, т. 2, с. 565], Закарийя Хусани [5, с. 5].

В свою очередь, став одним из величайших ученых своего времени, Мулла Али аль-Кари также подготовил множество учеников. Самыми известными из них были Мухйиддин Абдулькадир бин Мухаммад бин Яхъя бин Мукрим бин Мухибб бин Мухаммад бин Хасан Табари (ум. 1033/1623) [9, т. 1, с. 600], Абдурахман Иса бин Муршид Умри (ум. 1037/1627) [9, т. 1, с. 548], Мухаммад Абу Абдуллах Абдульазим Макки (ваф. 1061/1651) [19, с. 88–90], Сайид Муъззам Хусайни Балхи [19, с. 88–90], Сулейман Сафийюддин Джани [11, т. 3, с. 185], Абдульхак бин Сейфиддин Дехлави (ум. 1052/1642).

По поводу количества произведений ученого приводятся разные данные. В частности, внук Али аль-Кари писал: «У моего деда было триста книг. Он оставил их вакфом для своих детей и велел не препятствовать их переписыванию» [19, с. 110–111]. В книге «Хадийяту аль-арифин» перечислены названия более 100 книг автора [9, т. 1, с. 751]. В редакции Джамала Айтани книги «Миркат аль-мафатих» приведены названия 80 книг ученого [8, т. 1, с. 23–27]. «Аль-Асмаруль джания фи асмаиль ханафийя», «Фараидуль калаид аъла ахадисиль акаид», «аль-Жамолайн ъалаль Джалалайн», «Гаъликатуль Кари ъала суласияатиль Бухари», «аль-Хазар фи амриль Хазир», «Шархуль фикхиль акбар», «Шарху нухбатил фикар», «Шархуш шифа фи хукукиль Мустафа», «Шарху сахихи Муслим», «Шархуш шатибия», «Шархуль хидая лиль Маргинани» являются некоторыми из них.

Умер Али аль-Кари в 1014/1605 г. в Мекке и был погребен в могиле Муалла [19, с. 65]. Он был настолько известен, что после того как весть о его смерти дошла до Египта, в университете аль-Азхар прочитали специальную усыпальную молитву – гаиб джаназа в его честь [11, т. 3, с. 186].

Али аль-Кари в основном занимался исследованиями и комментариями по тафсиру, акиде и фикху. Кроме этого, он занимался тахридом, т.е. нахождением и описанием истоков хадисов, цепи их передатчиков, подробностей их передачи, степени достоверности, приведенных в комментариях и хашиях (примечания на полях). Одним из таких произведений является «Фараид аль-калаид аля ахадиси шарх аль-акаид». Рукописный вариант книги хранится в Багдадской библиотеке «Мактабат аль-авкаф» под номером № 13732/126. Данная книга состоит из 11 произведений, девять из которых принадлежат Али аль-Кари. Объект нашего исследования «Фараид аль-калаид аля ахадиси шарх аль-акаид» посвящен тахриду хадисов, приведенных в произведении «Шарх аль-акаид ан-Насафийя», которое является комментарием известного произведения Умара Насафи (ум. 537/1142) – «Акаид».

Тахридж хадисов, приведенный в вышеупомянутом комментарии Тафтазани (1312–1392) «Шарх аль-акаид ан-Насафийя», впервые был осуществлен Касымом бин Кутлубго Ханафи (ум. 879/1474) в книге «Бугятур раид фи тахриджи ахадиси шархиль акаид» [9, т. 1, с. 830]. Позже, в 886/1481 г. Суюти (849/1445–911/1505) посвятил этой проблеме свою работу «Тахриджи ахаадиси шархиль акаид»¹. Данное произведение было исследовано Хамди Абдульмаджидом и опубликовано в 1985 г. вместе с тахридом хадисов, приведенным в книге Джурджани «Мавакиф». Следом за Суюти вышла вышеупомянутая книга Моллы Али аль-Кари «Фараид аль-калаид аля ахадиси шарх аль-акаид». Другим автором, написавшим тахридж комментарию Тафтазани, был Клуб Салама. Но его книга не получила известность из-за большого числа недостатков и ошибок.

Абдуллах Джабури, изучив рукопись в Багдадской библиотеке «Мактабат аль-авкаф», называет ее «Рисалатун фи шархи

¹ Две копии этой книги хранятся в библиотеке «Захирийя» в Дамаске. Ходжа Халифа допустил ошибку в своем «Кашф аз-Зунун», написав «Джалалуддин». Суюти и Али аль-Кари написали тахридж книге «Акаид ан-Насафи» (Ж. 2. – Б. 1149). На самом деле в тексте книги нет ни одного хадиса. А тахридж был сделан к «Шарх аль-акаид ан-Насафи».

ахаадисин варада фи шархиль акаид» [9, т. 1, с. 830]. Скорее всего, причиной этому стали следующие слова автора в вводной части книги: «Некоторые из моих друзей спрашивали меня о хадисах, приведенных в “Шарх аль-акаид” Имама Тафтазани». Но на самом деле в самой книге Али аль-Кари говорит: «Я назвал его “Фараид аль-калаид аля ахадиси шарх аль-акаид”» [7, с. 16]. Книга состоит из трех листов, каждая страница состоит из девятнадцати строк. Некоторые страницы испорчены водой. Четвертая страница покрыта черной краской, что привело к искажению некоторых слов. Так же, на третьей странице есть белое пятно, и некоторые слова стертые. Книга расположена между страницами 147а и 150б. Перед каждым хадисом красными чернилами написаны слова «Саллаллаху алейхи васаллам»¹.

Даже авторы биографических книг – «Тараджим» называли этот труд по-разному. В частности, Лакнауви называл ее «Фараид аль-калаид фи тахрижи ахаадиси шархиль акаид» [7, с. 8]. Такого же мнения придерживался и Каттани [12, с. 185]. А Хусейн Макки называл книгу «Фараид аль-калаид». Кроме того, Мухаммад Саббаг приводит название «Фараид аль-калаид ала шархи ахаадисиль акаид», а Исмаил Багдади называет его именем, приведенным в рукописи [9, т. 1, с. 752; 18, т. 2, с. 184].

Несмотря на то что версии, приведенные Лакнауви и Каттани, кажутся более правдоподобными, они не совпадают названию, приведенному в рукописи, которую утверждал Багдади.

Али аль-Кари произвел тахридж 72 хадисов, приведенных в книге Тафтазани «Шарх аль-Акаид». При этом он не увлекался комментированием хадисов и даже в своих разъяснениях был краток. Обычно тахридж одного хадиса не превышал одной или двух строк. В первую очередь автор проверял, приведен ли конкретный хадис в известных сборниках хадисов или нет. Если он не находил это предание в известных сборниках, тогда он обращался к другим сборникам. К примеру, можно рассмотреть следующие хадисы: «Слова саллаллаху аляйхи васаллама: О Аллах, наставь мой народ на праведный путь, ведь они не знают» [7, с. 27]. Данный хадис приводил Байхаки в своей книге «Шуъаб аль-иман» от Абдуллаха бин Абда [17, т. 1, с. 380–432]. В следующем риваяте, когда у Муавии радияллаху анху спросили о событии мирадж, он ответил: «Это было настоящими глазами». Али аль-Кари,

¹ Рукописи данной книги хранятся в индийском «Мазахир аль-улум», каирском «Дор аль-кутуб аль-мисрия», алеппском «аль-Мактабат аль-ахмадийя».

разъясняя это предание, сказал: «Этот хадис передавали Ибн Исхак [13, т. 2, с. 143] и Ибн Джарир [14, т. 15, с. 16; 15, т. 3, с. 25]»¹. На этих примерах мы видим, как ученый, не найдя хадисы в известных сборниках, обратился к второстепенным источникам.

Али аль-Кари не приводил всех мухаддисов, произведших тахридж определенного хадиса, и не останавливался на комментировании самого предания. Обычно он довольствовался упоминанием лишь нескольких мухаддисов, произведших тахридж конкретного хадиса, и заканчивал словами «...и другие». В частности, приводя хадис «Вы лицезреете своего Господа как будто видите луну в день полнолуния», пишет: «Этот хадис имеет множество вариаций и туруков (путей передачи). Его передавали два шейха (т.е. Бухари и Муслим), Ибн Маджа, Хаким и другие» [7, с. 22].

В некоторых же местах он довольствовался только словами «Смысл этого ривата приводится в нескольких хадисах». В частности, изучив хадис «Уважайте моих сахабитов. Они лучшие из вас», автор пишет: «Смысл этого предания встречается во многих хадисах и он очень понятен».

В определении хадисов на сахих (достоверных) и заиф (недостоверных) Али аль-Кари использовал своеобразный метод. Если определенный хадис, приведенный в «Шарх аль-акаид», встречается в сборниках Имама Бухари и Имама Муслима, он отмечал их как «этот хади передавали оба шейха». В общем количестве 13 из 72 приведенных в книге хадисов передавали оба шейха вместе. Три хадиса передавал только Имам Бухари, а восемь только Имам Муслим.

Если же определенный хадис в «Шарх аль-акаид» встречался в сборниках Ибн Хузаймы и Ибн Хиббана, Али аль-Кари не приводит лишней информации о них. В частности, под хадисом, гласящем «Число пророков сто двадцать четыре тысячи», он ограничился словами: «Этот хадис приводил Ибн Хиббан в своей книге “Сахих” путем Абу Зарра рахматуллахи аляйхи» и ничего не добавил. В местах, когда хадисы, приведенные в «Шарх аль-акаид», совпадали со сборником Имама Тирмизи, он писал только то, что этот хадис передавал Тирмизи и что он оценивается как «хадис сахих, хадис хасан».

¹ Приведя данный хадис, Ибн Джарир Табари доказал, что событие мирадж произошло телом и духом. Ибе Касир в своем тафсире тоже придерживался этого пути.

Оценивая равиев (передатчиков) и санад (цепь передатчиков) хадисов, Мулла Али аль-Кари использовал короткие фразы как «санад сахих (достоверный)», «санад хасан (хороший)», «санад заъиф (слабый)», «санад вахи (очень слабый)», «санад мубхам (сомнительный)». Он не углублялся в анализ равиев и санада. Приводя источники, в которых приведены хадисы, не оценивал качество хадиса (макбул или мардуд). В некоторых местах существуют и ошибки в источниках хадисов. К примеру, Али аль-Кари утверждал, что хадис под пятым номером приводился в сборнике Имама Бухари. На самом же деле этого хадиса в сборнике не существует. Также есть и случаи путания сахабитов. К примеру, хадис под сорок девятым номером на самом деле был передан от Абу Хурейры. А Али аль-Кари утверждал, что он был передан Абу Саьидом Худри.

Мулла Али аль-Кари в «Фараид аль-калаид» пишет, что он часто пользовался книгой Суюти «Тахриджу ахаадиси шархиль акаид ан-насафия» и часто цитирует его. В частности, по поводу хадиса, гласящего: «Когда у Посланника Аллаха аляйхиссалям спросили о количестве пророков», он сказал: «Их сто двадцать четыре тысячи». Такого же мнения был и Суюти.

Али аль-Кари часто использовал источники по данной тематике, созданные до него, и этим выбрал основательный метод тахриджа хадисов. Данное произведение ученого, с одной стороны, дает возможность всестороннему анализу хадисов, приведенных в произведении Тафтазани «Шарх аль-акаид», а с другой стороны, собранию хадисов, касающихся науки акида в одном месте и их сравнительному анализу. Так как книга Умара Насафи не включает в себя хадисов, то изучение этой работы вместе с «Фараид аль-калаид» даст возможность читателям получить обоснованную информацию.

Литература

1. Абдулмалик Исомий. Самтун нужум.
2. Абдулхай Лакнавий. Ат-Таълик ал-мумажжад ъала Муваатто.
3. Абдулхай Лакнавий. Нузхат ал-хавотир.
4. Абдулхай Лакнавий. Фавоид ал-бахия маъа ат-таъликот ас-сания. – Миср: ас-Саьода, 1324.
5. Абдулхалим Нуъманий. Ал-Бизоъат ал-музжот. – Покистон: Мактаба ал-имдодия.
6. Алилкорий. Минах ар-равз ал-азхар фи шарх ал-фикх ал-акбар. Байрут: Дор ал-башоир ал-исломия, 1998.

7. Алилкорий. Фароид ал-калоид аъла ахаадиси шарх ал-акоид // Хасан Салмон. – Байрут: ал-Мактаб ал-исломий, 1990.
8. Алилкорий. Миркот ал-мафотих // Жамол Айтоний тахкики. Байрут: Дор ал-кутуб ал-илмия, 2001.
9. Бағдодий. Хадият ал-орифийн асмаа ал-муаллифийн ва осар ал-мусаннифийн. – Истанбул: Мактаба ал-мусанно, 1951–1955.
10. Зириклий Хайрт ад-дин. Ал-Аълум. – Байрут: Дор ал-илм ли ал-малайин, 1998.
11. Мухаммад Амин бин Фазл. Хулосат ал-асар. – Миср: ал-Матбаъ ал-вахабия, 1867.
12. Мухаммад бин Жаъфар ал-Каттоний. ар-Рисолат ал-мустатрифа. – Байрут: Дор ал-башоир ал-исломия, 1993.
13. Мухаммад бин Исхок. ас-Сийра. – Байрут: Дор ал-кутуб ал-илмия, 2014.
14. Бин Жарир. Тафсир ат-Табарий.
15. Бин Касир.
16. Бин Имод ад-Дамашкий. Шазарот аз-Захабий. Дор бин Касир, 1986.
17. Имом Ахмад. Муснад. – ар-Риёд: Дор ал-минхож, 2008.
18. Исмоил Пошо. Изох ал-макнун фи аз-зайли ъала кашф аз-зунун. – Байрут: Ихё ат-турос ал-арабий.
19. Халил Иброхим Кутуй. Имом Алилкорий ва асаруху фи илм ал-хадис.
20. <https://islamqa.info/ar/225410>
21. <http://www.alukah.net/sharia/0/93855/>

*Статья предоставлена автором
для публикации в бюллетене
«Россия и мусульманский мир».*

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР
2017 – 8 (302)**

Научно-информационный бюллетень

Содержит материалы по текущим политическим,
социальным и религиозным вопросам

Компьютерная верстка
Н.М. Власова

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 25/VI-2017 г. Формат 60x84/16
Бум. офсетная № 1. Печать офсетная. Свободная цена
Усл. печ. л. 6,25 Уч.-изд. л. 6,0
Тираж 250 экз. Заказ № 92

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997**

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел.: +7(925) 517-3691
E-mail: inion@bk.ru**

**E-mail: ani-2000@list.ru
(по вопросам распространения изданий)**

Отпечатано в ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21
Москва В-418, ГСП-7, 117997
042(02)9

